

А. А. Королев,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета

Научная монография

ТЕРРОР И ТЕРРОРИЗМ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

М.: Московский гуманитарный университет, 2008.

Рецензент: Д. Д. Пеньковский, доктор исторических наук

Наверное, террор в личном и общественном сознании людей существует испокон веков, еще со времен формирования архетипа «мы-они», «свой-чужой». Есть сведения о том, что еще за триста сорок лет до нашей эры отец Александра Македонского был убит в результате теракта¹. По мере продвижения вперед наполняется новым содержанием понятие террор. Но в какие бы современные одежды он не рядился, суть его — ужасная! Меняются орудия убийства (скажем, кинжал на атомную бомбу!), неизмеримо возрастают масштабы его кровавых злодеяний. Сегодня, как и прежде, в его основе насилие и сопутствующие ему страх, переходящий в ужас. Это явление стало и знаковым, и памятным: мировое сообщество учредило 3 сентября — День борьбы с терроризмом.

Не обошел стороной терроризм и нашу страну. Чечня на слуху. Другие кавказские регионы: Ингушетия, Дагестан. Взрывы в Волгодонске, Москве. Массовый захват заложников во время мюзикла «Норд-Ост», трагедия Беслана в Северной Осетии, которая до сих пор не получила юридическую и человеческую оценку, несмотря на многочисленные официальные комиссии (в том числе и депутатскую).

Тема террора и терроризма привлекает внимание представителей различных наук: криминалистов, международников, социологов, политологов, историков. В последнее время проблема психологии терроризма оказалась в центре внимания профессиональных психологов, в частности Института психологии РАН (В.А. Соснин, Т.А. Нестик, А.К. Боковиков), факультета психологии МГУ им. Ломоносова (декан Ю. Зинченко), его кафедр: нейро- и патопсихологии, возрастной психологии, психологии личности, психофизиологии. В конце 2007 г. на факультете психологии МГУ с участием Центра экс-

тренной психологической помощи МЧС состоялся «круглый стол» «Психология терроризма». В апреле этого же года по инициативе кафедры истории МосГУ была проведена научно-практическая конференция на аналогичную тему. В качестве ее соорганизаторов выступили Институт психологии РАН, Национальный институт бизнеса, Академия федеральной службы наказания (г. Рязань), Межрегиональная общественная организация «Казачье братство».

Террор и терроризм стали поистине одним из бедствий человечества, глобальной проблемой в последней трети XX — начале XXI вв., затрагивающей как международную, так и национальную безопасность стран, входящих в мировое сообщество. Средства массовой информации приносят ежедневно (если не ежечасно!) сообщения со всех концов света о фактах кровавого терроризма. Террор против государственных и общественных деятелей распространяется, как эпидемия чумы XX в. США (60-е годы) — убийство президента Джона Кеннеди, Египет (70-е годы) — та же участь постигла президента Анвара Садата. Швеция — гибель руководителя правительства — Улофа Пальме. Италия — похищение и смерть Альдо Моро, крупного государственного деятеля. Индия — расправа сепаратистов над президентом Радживом Ганди. Израиль — хладнокровное убийство в многотысячной толпе Ицхака Рабина, премьер-министра. В Пакистане (декабрь 2007 г.) погибла Беназир Бхутто — всемирно известная женщина-политик (бывший премьер-министр этой страны). На митинге в г. Равалпинди к ее автомобилю протиснулся смертник (по данным полиции из «Аль-Каиды»): убийца сначала дважды выстрелил в голову Беназир, после чего привел в действие заряд взрывчатки на своем теле — погибли 25 человек. Лишь в октябре Бхутто (занесенная в Книгу рекордов Гиннеса как первая женщина-премьер исламского государства) триумфально вернулась из восьмилетнего изгнания, чтобы принять участие в грядущих парламентских выборах.

В последнем интервью она заявила: «Я привыкла к покушениям на свою жизнь. Я всегда кому-то мешала, но это не повод уходить из политики. На меня охотятся — значит, я популярна»². Убийство Беназир показало: «Аль-Каида» способна запросто изменить расклад сил в стране с помощью террориста-одиночки. Следующая цель — проамериканский президент Первез Мушарраф. В хаосе гражданской войны легче всего завладеть тем, что так нужно Бен Ладену — атомной бомбой из пакистанских ядерных арсеналов.

1. К вопросу об определении террора и терроризма

Феномен террора и терроризма настолько сложен, что ооновские «мудрецы», специальные юридические институты до сих пор не могут дать его исчерпывающее определение. Существует двойной стандарт на убийство в определенных культурах (убийство Чужого оправданно в общественном сознании, убийство Своего — неприемлемо). Это приводит к тому, что для одних террорист — герой, для других — преступник. Ныне существует до 30

конфиденциальных актов, вышедших из лона ООН и посвященных национальному, религиозному и международному терроризму. Расплывчатые формулировки данных определений снижают эффективность борьбы с этим глобальным злом.

Террор (лат. *terro* — страх, ужас) — политика устрашения, подавления политических противников насильственными мерами.

Терроризировать — 1) преследовать, угрожая расправой, насилием; 2) запугивать, держа в состоянии страха³.

Словарь С.И. Ожегова дает следующее определение: «Террор — физическое насилие, вплоть до физического уничтожения, по отношению к политическим противникам»⁴.

Экзотически-географическое название дает «Советский энциклопедический словарь»: «Террор — (*Terror*) — потухший вулкан в Антарктиде, на полуострове Росса... назвали в честь экспедиционного судна»⁵.

В определении понятий «террор» и «терроризм» существует разноречивость, а то и методологическая путаница. Чаще всего, особенно в обыденном сознании, эти понятия рассматриваются как однопорядковые, синонимы.

Вот какое определение терроризма дает Государственный департамент США: «Терроризм — это заранее подготовленное политически мотивированное насилие в адрес не вовлеченных в боевые действия целей, осуществляемое тайными агентами или представителями тех или иных национальностей, направленное на оказание влияния и получение аудитории»⁶.

По мнению известного геополитика А. Дугина, «терроризм — метод политического действия, свойственный тем группам и сектам политического (геополитического, религиозного) спектра, которые в силу определенных обстоятельств не способны добиться своих целей (или просто заявить о себе, сообщить о своей точке зрения в желаемом масштабе), действуя в рамках закона»⁷.

На взгляд социального психолога Д.В. Ольшанского, часто путаются террор как некоторая политика, осуществляемая насильственными методами (методы террора), и террор как результат, следствие такой политики. Путается террор как линия, состоящая из ряда отдельных компонентов, террористических актов, и отдельные проявления террора — по сути, отдельные террористические акты. Наконец, террор как метод часто путается с терроризмом, как особым, целостным явлением, включающим в себя не только отдельные методы. С точки зрения психологии, террор — такое повторяющееся и нарастающее переживание страха, которое приводит к ужасу, а терроризм — это обобщенное понятие, обозначающее уже комплексное явление, включающее страх и ужас как цель определенных (террористических) актов и действий, сами акты и действия, их конкретные результаты и весь спектр более широких последствий. Психологически, терроризм — это еще и способ жизни, мышления и особой деятельности, включая мотивы, идеологические обоснования и оправдания тех, кто использует террор как цель (иногда —

самоцель) и средство достижения своих потребностей и интересов, то есть, террористов⁸.

Терроризм — это война нервов, успех в которой достигается за счет внезапности, непредсказуемости места, времени, обстоятельств. Проигрывая в силе, терроризм выигрывает в мобильности, во времени и пространстве. Даже если терроризм подавлен силой, это еще не значит, что надо праздновать победу. Остается питательная среда, а именно: разные целевые установки, несовместимость мировоззрений, различные жизненные позиции, стремление добиться социальной справедливости для униженных и обездоленных слоев общества.

Однако арабские, латиноамериканские террористы, «красные бригады» в Италии и Германии, начав борьбу за социальную и национальную справедливость, иные революционеры, войдя во вкус, становились откровенными уголовниками и профессиональными убийцами. Их руки оказались обгаженными кровью сотен и тысяч невинных людей.

В начале 90-х годов XX в. возникла потребность в расширенном толковании термина «терроризм». В него стали включаться такие понятия, как «наркотерроризм» (drug-terrorism) и феномен «серой зоны» (gray-zone phenomenon). Пакистан и афганское сопротивление втягивали в наркобизнес советских военнослужащих во время Афганской войны (1979-1989 гг.). Наркобизнес использовался режимом генерала Норьеги в Панаме и режимом Фиделя Кастро на Кубе в странах Северной и Южной Америки⁹.

Термин «серая зона» стал обозначать, помимо ядерной угрозы, более зловещие для стабильности суверенных государств действия, исходящие от негосударственных (в том числе и иностранных) акторов. В частности, речь может идти об использовании террористами безработных физиков-атомщиков из государств бывшего СССР и стран Варшавского Договора, а также перебежчиков и саботажников из стран НАТО, владеющих технологиями оружия массового уничтожения (ОМУ)¹⁰.

В последнее время утверждается в мире мнение, о том, что силовыми методами с терроризмом нельзя покончить, необходимо использовать в борьбе с ним институты гражданского общества, широкое привлечение населения. Следует выстраивать систему общественной безопасности, обучать граждан противостоять терроризму. События в России, странах СНГ и НАТО показывают: наиболее эффективный отпор террористы получают именно там, где сталкиваются не только с мощью государства, но и с организованным, сплоченным гражданским обществом. Одной из задач по реализации превентивных мероприятий по предотвращению терроризма является создание централизованной информационно-аналитической системы, осуществляющей следующие функции:

- 1) непрерывного мониторинга социально-экономической ситуации;
- 2) аналитической обработки экспертной (в т. ч. субъективной) информации, поступающей по всем направлениям и каналам связи, в том числе из

сети Интернет, от добровольных помощников, объединенных на местах в региональные общественные комитеты контртерроризма;

3) научно-объективная оценка реальности и уровня угроз эволюционному развитию социума с использованием математических методов системного анализа, математической обработки (моделирования ситуаций) и социологического анализа поступающих данных;

4) предоставление соответствующим структурам федерального и муниципального уровня обобщенной объективной информации о возможном возникновении угроз, реакций на это событие социума, а также разработка социально-экономических рекомендаций для повышения устойчивости эволюционного социально-экономического развития региона¹¹.

Видимо, следует взять на вооружение опыт борьбы с террористами в Израиле, где власти не идут на переговоры с теми, кто совершил теракты. Там неуклонно проводится установка, что преступные акции никогда не будут прощены и что террористов будут преследовать до конца жизни. Так, после убийства 11 израильских спортсменов на Олимпиаде в Мюнхене (в 70-х годах XX в.) в Тель-Авиве был создан взвод смерти, так называемый Комитет X, который в течение года лишил жизни всех участвовавших в теракте лиц.

На этом фоне крайне неуклюже, непрофессионально выглядели действия председателя правительства РФ В.С. Черномырдина, который вступил в переговоры с боевиками-чеченцами, захватившими больницу с 1500 заложниками. Вследствие этого имело место очередное нападение: через полгода несколько сотен террористов заняли больницу в Кизляре, откуда они увели более 100 заложников.

И хотя явление терроризма превратилось в настоящее время в бесспорную угрозу, тем не менее мировое сообщество еще не до конца осознало масштаб опасности, которую он несет, чтобы решительно взяться за его искоренение. Задачу усложняет и тот факт, что у антитеррористических структур разных стран нет единообразных инструкций. Израиль, как указывалось, говорит об уничтожении террористов, а Италия, например, ратует за спасение заложников. Короче говоря, это означает, что первые стреляют на поражение, а вторые, стараются сохранить преступникам жизнь. Однако большинство согласно в том, что нельзя заботиться о жизни террористов, рискуя собственной¹².

Как справедливо считал прошедший школу Афганистана, Анголы и других «горячих точек» Д.В. Ольшанский, «... отечественные спецслужбы выступают в роли «догоняющих», причем догнать террористов им удается далеко не всегда. Почему? Ответ до банального прост: потому, что они очень плохо знают психологию терроризма»¹³.

«Терроризм сегодня, — как считают психологи, — как художественное произведение, как шоу, как картина. Он творится перед объективом сотен

тысяч фото- и кинокамер. Он только там и возможен, где есть эти камеры и эта гласность. То есть в цивилизованном мире»¹⁴.

2. Мотивация террора и терроризма

Участие в террористических организациях и акциях обусловлено разноплановыми сложными психологическими комплексами, внутренними и внешними мотивами, которые придают определенный смысл действиям их участников.

Д.В. Ольшанский дает следующую классификацию мотивов (по самоотчетов террористов)¹⁵.

Во-первых, это меркантильные мотивы. Террор, как и любая сфера человеческой деятельности, имеет определенное экономически-финансовое измерение. Добавлю от себя, опираясь на личный опыт советника посольства СССР в Афганистане (1980-81 гг.), руководство моджахедов с помощью спонсоров (ведущих стран Запада, прежде всего США, а также богатых арабских режимов) разработало подробную шкалу оплаты различных террористических акций: подрыв автомобиля, бронетранспортера, уничтожение моста, убийство рядового, младшего и старшего офицера, гражданского лица и т. д. Например, моя голова как политического советника приравнивалась к голове советского полковника по стоимости.

Во-вторых, идеологические мотивы. Это более устойчивые мотивы, основанные на совпадении собственных ценностей человека, его идейных позиций с идеологическими ценностями группы, организации, политической партии или любой иной идейно-политической силы. Такими мотивами руководствуется человек, который чувствует причастность к какой-то общности (народу, племени, роду). В этом случае террор становится его кровным делом. Развивая эту мысль исследователя-практика, следует обратить внимание, что идеологические мотивы окрашиваются, определяются либо органично вплетены в «коллективное бессознательное» (К.Юнг) социокультурными, национальными, историческими и религиозными традициями этноса. Так, продолжая афганские сюжеты, важно подчеркнуть упорство и стремление к свободе, которые культивировали моджахеды. В своей пропаганде они делали акцент на том историческом факте, что все три экспедиции британских войск (последняя произошла в 1919 г.) закончились их поражением. Ввод советских войск («ограниченного контингента») на территорию Афганистана (декабрь 1979 г.) подавался как вторжение англичан, традиционных врагов, замаскированных под «шурави» (советской армии). Подобного рода коллизии не учитывались советской спецпропагандой, которая порой не брала в расчет самосознание и гордость афганского населения, участвующего в борьбе против Советского Союза. Кроме того, нередко игнорировались этноконфессиональные особенности народов, населяющих «забытую Богом страну», которая по экономическим показателям причислялась к какому-то «четвертому миру». Скажем, недоучитывалось такое явление, как мюридизм, т. е.

прямо-таки фанатичное преклонение определенной группы верующих (мусульман) перед так называемыми пирами, предки которых входили в окружение Мухаммеда. Пир мог приказать мюриду совершить любую акцию, в том числе направленную против советских войск. И он шел и делал то, о чем ему велели: убить, взорвать... Причем он свято верил в непогрешимость своих действий (в том числе и, по сути, террористических). Когда он оказывался в плену, то держался, как партизан: умираю за правое дело. Религиозный фанатизм формировал благодатную почву для действующих моджахедов-смертников — как мужчин, так и женщин. Вспомним события конца 2007 г. в Пакистане, когда оппозиционный лидер Бхутто пала от рук религиозного фанатика.

В-третьих, мотивы преобразования, активные изменения мира. Как правило, мотивы такого рода в той или иной степени присущи, прежде всего, людям, профессионально занимающимся террором. Для них террор есть и инструмент, и цель преобразования мира.

В-четвертых, мотив своей власти над людьми. «Наркотик власти» (добавим от себя) действует на отдельных людей порой сильнее, чем природный или синтетический возбудитель. В представлении подобного рода людей власть держится не на авторитете, а на насилии, на страхе.

В-пятых, мотив интереса и привлекательности террора как сферы деятельности. Она нередко привлекает не только выходцев из маргинальных кругов, но также из среды обеспеченных и образованных. Примеры. Бен Ладен вышел из семьи миллионера. Но по идейно-религиозным мотивам отправился в Афганистан, где стал одним из организаторов (будучи агентом ЦРУ), лагерей для подготовки террористов. Для справки: их насчитывалось до 30, в которых получили квалификацию убивать и взрывать, в том числе и чеченские террористы. Западные аналитики отмечали в 2005 г. в связи с терактами в Великобритании, что среди тех, кто нес разрушение и хаос, были в основном выходцы из состоятельных семей.

В-шестых, «товарищеские» мотивы эмоциональной привязанности в разнообразных вариантах — от мотива мести за вред, нанесенный товарищам по борьбе, единоверцам, до мотивов традиционного участия в терроре потому, что им занимался кто-то из друзей, родственников, соплеменников или единоверцев.

В-седьмых, мотив самореализации, самоутверждения. Такая самореализация, оборачивающаяся самоуничтожением, означает, прежде всего, признание факта психологической деструкции личности.

По наблюдениям С.А. Эфирова, мотивами терроризма являются: самоутверждение, самоидентификация, молодежная романтика и героизм, придание своей деятельности особой значимости, преодоление отчуждения, конформизма, обезлички, стандартизации, маргинальности, пресыщения и т. д. Возможны корыстные мотивы, которые могут вытеснять идейные или переплетаться с ними¹⁶.

М.В. Виноградов дает психолого-психиатрическую классификацию террористов-исполнителей:

1. генетические садисты с ярко выраженными садистскими наклонностями, которые проявлялись у них с раннего детства в виде издевательства над животными, стремления причинить боль и страдания окружающим;

2. садисты с генетически заложенными тенденциями, но скрытого характера, которые при обычных условиях жизни могут вообще не проявиться, а проявляются только при стечении каких-либо психотравмирующих для данной категории преступников обстоятельств;

3. люди случайные, пойманные на чем-то вербовщиками, попавшими в идеологические или религиозные ловушки.

Одной из общих черт для террористов является повышенная и садистски окрашенная сексуальность. В частности, при подготовке шахидок вербовщики используют сексуальное насилие в отношении завербованных женщин и для подавления их воли, и для получения собственного сексуального удовлетворения¹⁷.

Ю.М. Антонян, В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов отмечают следующие характерные особенности террористов:

1. тенденция к экстернализации, поиску вовне источников личных проблем. Данная особенность является психологической и идеологической основой для сплачивания террористов и принадлежит к числу ведущих;

2. постоянная оборонительная готовность, чрезмерная поглощенность собой и незначительное внимание к чувствам других. Эти черты связаны с паранойяльностью террористов, которые склонны видеть постоянную угрозу со стороны других и отвечать на нее агрессией;

3. примат эмоций над разумом, непосредственных активных реакций над действительностью, ее осмыслением, предвзятостью оценок, низкий порог терпимости и отсутствие должного самоконтроля, достаточная легкость и естественность с идеей насилия. Среди обследованных авторами преступников террористической направленности 44% отличались явной эмоциональной неустойчивостью, а для 80% были характерны эмоционально насыщенные ассоциативные образы; 51% обследованных склонны, скорее, действовать, чем осмысливать происходящее и строить обоснованный прогноз. Указанные особенности личности террористов не исключают, по их мнению, продуманности и рациональности их агрессивных действий;

4. игровые мотивы: игра с обстоятельствами, врагом — правоохранительными органами, судьбой, смертью (наиболее характерно для молодых людей, подростков. Это может быть и чертой национального характера). Указанную особенность личности террористов необходимо учитывать при проведении с ними переговоров, операций. Для них подобная ситуация бессознательно воспринимается как захватывающая игра, ставкой в которой может быть и их жизнь. При этом следует иметь в виду, что их ничего не пугает, даже собственная смерть¹⁸.

Результаты опроса сотрудников правоохранительных органов Южного федерального округа и Чеченской Республики, проведенного сотрудниками НИИ при генеральной прокуратуре России, показали, что более 40% из них полагают, что в основе мотивации лидеров формирований, совершающих преступления террористической направленности, лежит обеспечение криминального предпринимательства, приносящего доходы и обеспечивающего власть; 17,5% — связывали деятельность указанных лидеров со стремлением к созиданию отдельного государства и самостоятельному решению вопросов государственной и иной политики в рамках национальных традиций и обычаев — уходом от контроля федеральной власти; около 20% — со стремлением лидеров к сепаратизму и объединению с исламским миром. 18-27% указали, что в терактах они участвовали во имя победы ислама¹⁹.

Одним из испытанных средств террористов является захват заложников. Эта акция очень действенна и эффективна, с точки зрения «захватчиков», т. к. она наглядно и зримо дает представление о последствиях захвата. Каждый, кто оказался в такой роли, выступает в качестве потенциального покойника. Уход из жизни совершается насильственным путем, принимает нередко жестокие формы экзекуций, издевательств, пролонгированного в неизвестность исхода.

«Формула террора» складывается из ряда компонентов: выдвижение требований — угроза насилия — отказ — осуществление насильственной акции — ужас — неадекватные действия — новые волны страха — новые террористические акции²⁰.

Если рассмотреть в динамике нарастание негативных эмоций у заложников и окружающих (в том числе и власть предержащих), то схематично это можно представить следующим образом: испуг-страх-ужас. Причем массовый ужас. В нагнетании ситуации безысходности важное значение имеет повторяемость. Например, после теракта 11 сентября 2001 г. в США по почте неизвестные стали рассылать периодически белый порошок, идентифицируемый как сибирская язва. Подобная повторяемость приводит к образованию фобий и кошмаров. Кошмар ассоциируется с «нечто тягостным, неприятным, отвратительным»²¹, тяжелым сном, наполненным омерзительными видениями, предвестниками личной жизненной трагедии.

Фобия рассматривается психологами как непреодоленный устойчивый страх, воспроизводимый при определенных обстоятельствах и ситуациях. В настоящее время ученые выделяют более 300 различных фобий: от клаустрофобии (боязнь замкнутого пространства) до фобифобии (страх перед страхом).

Заложничество обладает массой психотравматических последствий как для заложников, так и их родных, близких и просто тех, кто вовлекается в его орбиту. Страхи, которые овладевают человеком (людьми), имея разную природу, накладываются друг на друга, переплетаются, резонируют и нередко порождают «гремучую смесь» из, казалось бы, несовместимых компонентов.

«Священный» (трепетный) страх перемежается с так называемым «сладким страхом» (ужасом). Как считает Д.В. Ольшанский, иногда человек начинает испытывать парадоксальное удовольствие от медленно накатывающего на него, постепенно овладевающего им и заставляющего цепенеть ужаса.

Кроме того, психологической основой этой притягательной силы выступает феномен садомазохизма²².

Говоря о таком сложном психофизиологическом явлении, как заложничество, следует обратиться к казусу, который вошел в историю психиатрии, именуемый «стокгольмский синдром». Суть его состоит в том, что заложники, после стрессов, апатии и других психологических состояний начинают рассматривать своих похитителей как идеальных стражей, родных по духу, которых надо беречь, как зеницу ока, от действий штурмовиков и затем судебных работников. Надо полагать, что проявление «стокгольмского синдрома» связано со скрытыми психофизиологическими компенсаторскими механизмами «сладкого ужаса», а также влияния механизмов заражения, которые срабатывают во время взаимодействия заложников и их похитителей.

3. Из истории российского террора

В России своя история терроризма, свои жертвы и палачи, свои мученики и свои «искатели высшей правды», «высшей справедливости», свои теоретики права на жизнь и на смерть.

Чтобы разобраться с терроризмом, надо заглянуть в универсальное зеркало, которым является история. История, как известно, имеет свойство повторяться. В случае с терроризмом она чаще повторяется как трагедия, а не фарс.

Терроризм в России (действия, в первую очередь «бомбистов») оказал глубокое воздействие как на освободительное движение, политическое развитие страны, так и на психологию, идеологию русского общества, на образ жизни революционеров. С помощью насильственных методов организованная группа или одиночки стремились достичь провозглашенных целей преимущественно через систематическое использование насилия. Террористические акты направляются против людей, которые как личности, агенты или представители власти мешали достижению поставленных целей²³.

Тема терроризма была длительное время запретной для советских историков, о террористических акциях практически ничего не сообщалось в печати. В закрытой статистике они проходили как несчастные случаи, технические катастрофы. Писали в основном о терроризме на Западе. Там выходили солидные монографии, защищались диссертации на эту тему.

Тем не менее, значение терроризма в истории России трудно переоценить.

Как считают исследователи, выстрел Каракозова в императора Александра II 4 апреля 1866 г., положивший начало революционному терроризму в России, привел к приостановке реформ. Дмитрий Каракозов был казнен

прилюдно 3 сентября 1866 г. Несколько лет до этого события студент Петр Заичневский в прокламации «Молодая Россия» (1862 г.) открыто провозгласил убийство нормальным средством достижения социальных и политических изменений. «Мы изучали историю Запада, — писал Заичневский, — это изучение не прошло для нас даром; мы будем последовательнее не только жалких революционеров 92 года, мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка придется пролить втрое больше крови, чем пролитой якобинцами в 90-х годах»²⁴.

Идейным и организационным предтечей царубийств явился один из теоретиков и практиков радикализма С. Нечаев. Адвокат В. Спасович исчерпывающе охарактеризовал его на процессе 1871 г. как страшного, рокового человека, олицетворение мировой язвы, который всюду, где бы он ни оставался, приносил заразу, смерть, аресты, уничтожения. «Катехизис революционера» Нечаева оправдывал действия террористов. Их единственная цель — наискорейшее разрушение «поганого строя», в котором они не усматривали ничего, достойного жалости и сострадания. На руках С. Нечаева была кровь невинного студента И.И. Иванова, которого он заподозрил в провокаторстве. По мысли этого российского террориста, революционер не должен иметь личных интересов, дел, чувств, привязанностей, собственности, даже имени. Все в нем захвачено одним исключительным интересом, одной мыслью, одной страстью: революцией. Такой человек порвал с гражданским порядком и цивилизованным миром, с моралью этого мира. Он живет в этом мире, чтобы его уничтожить, уничтожить всех, кто мешает ему достигнуть цели. Нужно увеличить страдание и насилие, чтобы вызвать восстание масс. Этот новоявленный бланкист, С. Нечаев предлагал соединяться с разбойниками, которые «настоящие революционеры»²⁵.

На этом кратком своде вероучений революционера-террориста воспитывалось не одно поколение радикальной молодежи России.

По словам идеолога русского якобинства П. Ткачева, лучшие минуты — это минуты величайших народных бедствий. Исходя из вышеизложенного, можно понять логику поведения «бомбистов» (понять — не значит простить!).

Так, во время обвинительной речи прокурора Н. Муравьева на слушании дела в суде организатора убийства Александра II 1 марта 1881 г. Андрей Желябов раскатисто расхохотался, давая понять, что его не интересуют никакие детали содеянного, что у него нет и не может быть покаяния²⁶.

Ключевым в истории российского терроризма стал 1878 г., политически начавшийся выстрелом Веры Засулич в Петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова. Если нечаевский терроризм шел от теории и убийство Иванова диктовалось холодным расчетом, то покушение Засулич — месть за поправное чувство справедливости. Вера Ивановна Засулич (1849-1919 гг.) происходила из мелкопоместных дворян, домашняя учительница. Будучи человеком экзальтированным и нервическим, она почувствовала себя оскорблен-

ной, когда узнала о решении генерала Трепова наказать розгами политзаключенного Боголюбова. Присяжный поверенный П.А. Александров дал тонкую психологическую характеристику действиям молодой террористки. Это отнюдь не наивная девушка, невзначай втянутая в преступную организацию. Как это пытался представить ее защитник на суде. После обучения в одном из московских пансионатов она вернулась в Петербург в отчий дом. Еще семнадцатилетней девушкой она случайно познакомилась с Нечаевым. Несколько раз она выполняла различные его поручения: передавала письма адресатам, не ведая об их содержании. Это дало основание властям привлечь к уголовной ответственности: ей дали два года тюрьмы. После этого инцидента она стала испытывать симпатии ко всем сирым и несчастным. Вот почему с чувством оскорбления и ненависти к власти предрержавшим отнеслась она к позорному наказанию Боголюбова, которого она совершенно не знала и не слышала о нем ранее. Присяжный поверенный постарался нарисовать образ несчастного политзаключенного, который якобы представился Засулич. «Вот он, — взывал он в суде, — падающий под массой пудов человеческих тел, насевших ему на плечи, распростертый на полу, позорно обнаженный, несколькими парами рук, как железом, прикованный, лишенный всякой возможности сопротивляться, и под всей этой картиной мерный свист березовых прутьев...» Сострадание к заключенному толкнуло подсудимую к преступлению. «Да, — патетически восклицал ее добровольный защитник, — она может выйти отсюда осужденной, но она не выйдет опозоренной». И суд... оправдал девушку. И это оправдание стало знаковым во второй половине XIX в. Этот, по существу, абсолютно незаконный акт стал парадоксальным образом своеобразным средством защиты закона и прав личности.

Как показала жизнь, немалое число неофигов-террористов пришло в террор под влиянием чтения соответствующей литературы, в том числе речей подсудимых, их адвокатов на шумных процессах.

Российские условия воспроизводили как сами радикальные идеи, так и террористические методы. Это — 1) разрыв между властью и обществом; 2) незавершенность реформ; 3) невозможность для образованных слоев реализовать свои политические притязания; 4) жесткая репрессивная политика властей по отношению к радикалам при полном равнодушии и пассивности народа.

Террористическая идея приобретала все более логический и стройный вид. Она развивалась под влиянием революционной практики, но и сама оказывала на нее большое воздействие.

Российские террористы из «Народной воли» исповедовали двойную мораль. С одной стороны, они считали себя правыми, когда 1 марта 1881 г. убили царя-Освободителя Александра II только за то, что он возглавлял «несвободное» государство и находился на вершине власти. С другой стороны, они выступили с резким осуждением убийства президента США Джеймса Авраама Гарфильда в июле того же года. По их разумению, в условиях поли-

тических свобод «политическое убийство есть проявление того же духа деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своей задачей»²⁷.

Использование террора как метода воздействия на государство и общество не было присуще только дореволюционной России. Конец XIX в. на Западе ознаменовался непрекращающейся серией убийств: 1879 г. — новое покушение на испанского короля; 1883 г. — покушение на немецкого кайзера. Только в 1892 г. произошло более 1000 покушений динамитчиков в Европе и около 500 — в Америке. В 1858 г. погибла австрийская императрица Елизавета, в 1901 г. — президент США — Мак Кинли²⁸.

В структуре личности террориста важное место занимает и играет роль психологическая составляющая. Это было и в прошлом, это имеет место и в настоящем. Как показывает изучение истории народовольческого и эсеровского террора в России, террорист (по терминологии XIX в. — «бомбист») чувствовал себя эдаким сверхчеловеком, которому все дозволено, «посвященным», словно он прикоснулся к только ему ведомой истине, к тайне человеческого бытия. Террорист в одном лице и судья, и прокурор, и палач. В пантеоне российского терроризма свои мученики, «искатели высшей правды», «высшей справедливости». Как верно подметил историк российского терроризма О.В. Будницкий, была у них своя идеология, этика и эстетика. Эстетика насилия. Один из поэтов XIX столетия отмечал, что «дело прочно, когда под ним струится кровь». Террористы не чурались использовать такое положение Священного писания: «Кровь Христа... очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому истинному» (Евр.9,14).

Террор для достижения своих целей использовали и социал-демократы (большевики), и анархисты и, конечно, эсеры. Последние начали террористическую борьбу до «официального» определения ее задач и места в партийной деятельности. Как считает Р.А. Городницкий, историк эсеровского террора, причины этого были психологического порядка — боялись неудач, и посему решили принять партийную ответственность лишь за успешный террористический акт. Поэтому и будущая террористическая структура — Боевая организация считалась лишь инициативной группой, которой еще предстояло доказать свою дееспособность как инструмента партийной борьбы. И лишь после убийства министра внутренних дел Д.С. Сипягина, который рассматривался в эсеровских кругах как первый успешный теракт, было официально объявлено, что это дело рук Боевой организации. Идеолог партии В.М. Чернов в статье «Террористический элемент в нашей программе» отмечал, что террористические акции оказались необходимыми и неизбежными. Он рассматривал их как средство самообороны не только партии, но и российского общества от произвола властей.

Чернов считал, что террористические акты должны иметь более тесную связь с массовым движением, опираться на него. По его мысли, только синтез открыто-массовой и конспиративно-партизанской борьбы, стачек, демонстраций и путь террора может привести к успеху. Другая проблема — нрав-

ственное оправдание терроризма. Логика оправдания политических убийств была незамысловата: раз правительство оказывает насилие на общество, значит, теракты против власть предержащих оправданы. Идеолог терроризма обходил и такой острый вопрос, с точки зрения морали, как убийство человека без суда и следствия. Основанием для совершения «партийного правосудия» были негативные публикации на страницах эсеровской печати. Таким образом, «революционная целесообразность», а по существу, произвол была возведена в норму еще до революции 1917 года. Убийца становился национальным героем не только в глазах партийцев, но достаточно широкого круга сочувствующих эсеровской программе и тактике²⁹.

Когда первая русская революция подготавливалась, граф Витте от имени царя принял делегацию раввинов и попросил их: «Удерживать вашу молодежь, чтобы она не лезла в революцию». Раввины отказались.

Во время революции 1905 г. была масса террористических актов. Приведем описание одного из них в газете «Новое время». Это было покушение на коменданта города Севастополя, генерала Неплюева. Жертвами этого теракта стали свыше 100 человек. Очевидец пишет: молодой человек лет 18 бросает бомбу. Раздается оглушительный взрыв второй брошенной бомбы. Когда дым рассеялся, я увидел, как в паническом бегстве массы людей толкали и давили друг друга. Комендант и офицеры оказались невредимыми. Площадь буквально была забрызгана кровью и закидана оборванными ногами и руками, внутренностями и кусками мяса и мозгов. Сгустки крови и клочья тел виднелись на стенах храма и на окрестных деревьях... У одной женщины была сорвана с лица вся кожа; грудь и полость живота представляла сплошную зияющую общую рану с оторванными клочьями мяса и обнажившимися внутренностями. Руки и ноги были искалечены. Но она была еще жива. На месте преступления были схвачены трое злодеев, все молодые, безусые... Когда преступнику, бросившему первую бомбу, показали на обезображенные трупы женщин и детей, он расхохотался и с дерзким видом ответил: «Ну, что ж, жертвы везде бывают. Чего же они сюда лезли?». Перед нами жертва революционного психоза!³⁰

По подсчетам Р.А. Городницкого, за все время существования Боевой организации (1901-1911 гг.) в ее составе было свыше 90 человек. В нее входили 72 мужчины и 19 женщин. По социальному составу были представлены все социальные слои населения России (дети дворян, священников, мещан, купцов, крестьян). Они имели достаточно высокий образовательный уровень по тем временам. Например, 9 человек имели высшее образование, 41 — незаконченное, 32 — среднее и 9 — начальное. По возрасту Боевая организация была молодой: 66 человек от 20 до 30 лет, 16 — от 30 до 40. Национальный состав: 60 русских, 24 еврея, 4 поляка, 2 украинца и 1 латыш. Основной костяк — русские, но и необычайно высок процент лиц еврейской национальности.

За период деятельности Боевой организации из 91 человека 35 было арестовано, умерло естественной смертью 2 человека, погиб при покушении 1 человек, были казнены 2 человека. Было разоблачено как провокаторы 2 человека. Особо следует оговорить, что в момент членства в БО никто из участников не страдал психическими болезнями (лишь после арестов во время тюремного заключения под следствием с ума сошло 3 человека).

Во главе Боевой организации в разное время стояли разные люди: Г.А. Гершуни, Е.Ф. Азеф (оказался агентом царской охранки) и Б.А. Савинков. Знающий толк в терроре Б. Савинков (1879-1925 гг.) предъявлял своим членам следующие требования: 1) быть человеком безгранично преданным делу организации, готовым пожертвовать своей жизнью в каждую данную минуту; 2) быть выдержанным, дисциплинированным и конспиративным; 3) должен дать обязательство безусловно повиноваться постановлениям общего собрания; 4) прием в члены боевой организации допускается лишь при согласии на то всех членов данной группы³¹.

Говоря об идейном облике Савинкова, следует сказать, что это — неординарная личность в истории российского террора и в целом отечественной истории. Родился в семье товарища прокурора Военного окружного суда. Закончил гимназию в Варшаве. Привлекался к дознанию за участие в студенческих беспорядках. Эмигрировал в Германию. Арестовывался в 1901 и 1903 гг. Натура мятущаяся. В его мировоззрении удивительно сочетались террористические, революционные и религиозные мотивы. «Я прокляну тебя, если по твоей вине опоздаю к товарищам!» — сказал «великий террорист» Борис Савинков удерживающей его любовнице. Эта фраза была сказана в начале XX века. Смерть очередной раз одержала победу над любовью³². После смерти и арестов боевиков в 1904-1906 гг. Савинков берется за перо, стремясь сохранить память о прошедшем. Писатель В. Ропшин (Савинков) в 1908 г. выпустил свои «Воспоминания», в 1909 г. — повесть «Конь бледный», в 1914 г. — роман «То, чего не было».

Герой В. Ропшина, который считает, что ему все дозволено, рассуждает: «Говорят, нельзя убивать. Говорят еще, что одного можно убить, а другого нельзя. Всячески говорят. Я не знаю, почему нельзя убивать. И не пойму никогда, почему убить во имя вот этого хорошо, а во имя того-то — дурно»³³.

Савинков разграничивал психологические особенности «боевика», который непосредственно совершал теракт, и «массовика», несущего слова «правды» в массы. В эсеровской среде бытовало мнение, что боевики — это некие кавалергарды. (Помните, как у Б. Окуджавы: «Кавалергарда век недолог, и потому так сладок он»). Савинков объяснял это следующим образом. Если человек долгое время рискует своей жизнью, то он находится в чрезвычайно нервном напряжении. Вся воля боевика должна быть крайне сосредоточена, ибо любой неверный шаг грозит не ссылкой и тюрьмой, а гибелью. Массовик всегда находится на людях, его работа приносит ему отдачу — он

сразу видит результат от его агитации. Массовик, по мнению Савинкова, получает известное конкретное удовлетворение. Получает ли что-нибудь подобное боевик? Нет. Боевик существует только до покушения; покушение удалось, — он удовлетворен. Но громадное большинство покушений не удается, и он работает без ежедневного удовлетворения³⁴.

Новая и беспрецедентная до той поры в мировой истории террористическая волна в начале XX века (1901-1911 гг.) обошла Россию в 17 тысяч жертв, что превышало численность всех погибших в период вооруженных восстаний 1905-1906 гг. казненных по приговору судов, вместе взятых³⁵.

4. Белый и красный террор

Драматическая страница нашей истории — «красный» и «белый» террор в годы революции 1917 г. и гражданской войны (1917-1922 гг.). Его жертвы тяжело сосчитать. Кто первым начал теракты трудно определить. И та, и другая сторона упреждали друг друга в нагнетании страха, в проведении угрожающих акций. Акты мщения (спонтанные и непредсказуемые) сочетались с хорошо спланированными действиями как красных, так и белых властей. Борьба идей приобретала жестокие, кровавые формы. В советской историографии считалось, что террор развязали бывшие правящие классы, а советская власть вынуждена ответить террором на террор. Большевики в борьбе с классовыми врагами опирались на якобинский опыт, белые правительства — на опыт подавления контрреволюционной Вандеи. Общеизвестно, что массовый террор в Советской России начал осуществляться после убийства Урицкого и покушения на В.И. Ленина в начале сентября 1918 г. ВЦИК принял 2 сентября резолюцию: «на белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее оппонентов»³⁶.

Взаимный террор красных и белых имел под собой хорошо подготовленную почву, а именно: миллионы людей в ходе Первой мировой войны привыкли убивать, выполняли это как простую будничную работу в условиях атрофии сострадания, гуманности и других естественных чувств, присущих человеку. Из этой массы и та, и другая сторона рекрутировали людей с террористическими наклонностями. Как справедливо заметил наш соотечественник, ученый с мировым именем, П.А. Сорокин во время революции (вообще экстремальных условий — А.К.) в человеке рождается не только зверь, но и дурак. В такой обстановке у тех, кто находится у кормила власти, создаются прекрасные условия, чтобы канализировать горы злобы против существующего строя, персонифицировать, конкретизировать врага либо его сторонников. Поэтому вожди революции, руководители Советского государства направили потоки «бешеной» энергии сначала на «жуликов», «взяточников», затем, по мере углубления революционного процесса, на врагов рабоче-крестьянской власти (кулаков, попов, белогвардейцев). Впоследствии массовый террор коснулся всех «сомнительных»³⁷.

Особенно усердствовал по части массового террора Л.Д. Троцкий, председатель Реввоенсовета Республики. Вскоре после подавления восстания юнкеров в Москве он заявил: «Пленные являются для нас заложниками. Если нашим врагам доведется брать наших пленных, то пусть они знают: каждого рабочего и солдата мы будем обменивать на 5 юнкеров... Они думали, что мы будем пассивны, но мы им показали, что, когда дело идет об удержании завоеваний революции, мы можем быть беспощадны»³⁸.

В период гражданской войны и белые, и красные использовали захват заложников, нередко применяли так называемый децильный подход, т. е. расстреливали перед строем каждого десятого пленника (заложника). Так, например, во время «малой гражданской войны» (так вошли в отечественную историю восстания крестьян в 1921 г., которые ставили советскую власть на грань выживания) пленных крестьян-повстанцев, действующих на Тамбовщине, уничтожали по принципу: один из десяти.

Следует сказать, что в карательных (контрразведывательных) органах с той и другой стороны было немало людей с деформированной психикой, с изуверскими и маниакальными наклонностями. Что касается действий белых, то об этом в литературе достаточно было опубликовано в советские времена. Что же касается массового террора красных, то о нем стали широко писать только в перестроечное и постперестроечное время³⁹.

Определенный интерес имеет переизданная в современной России книга эмигранта-историка С.П. Мельгунова⁴⁰. Вот некоторые фрагменты этого труда. В Симферополе ЧК применял новый вид пытки, устраивая клизмы из битого стекла и ставя горящие свечи под половые органы. В Царицыне имели обыкновение ставить пытаемых на раскаленную сковороду, там же применяли железные прутья, резину с металлическими наконечниками, вывертывали руки, ломали кости⁴¹.

В Киеве в так называемой «китайской» Чека⁴² пытаемого привязывали к стене или столу; потом к нему крепко привязывали одним концом железную трубу. Через другое отверстие в нее сажалась крыса, отверстие тут же закрывалось проволочной сеткой и к нему подносился огонь. Приведенное жаром в отчаяние, животное начинало въедаться в тело несчастного, чтобы найти выход. Такая пытка длилась часами, порой до следующего дня, пока жертва не умирала.

Офицерам, захваченным тут большевиками, эполеты прибивали гвоздями к плечам; молодые девушки насильничались; штатские были найдены с выколотыми глазами, другие без носов⁴³.

От красных мало чем отличались белые, зеленые, их карательные органы, воюющие со своим народом. Летом 1919 г. А.Ф. Керенский отмечал, что «нет преступления, которого не совершали бы агенты Колчака... В Сибири имеют место не только случаи казни и пыток, но часто все население деревень подвергается порке, не исключая учителей и интеллигентов... Благодаря

Колчаку общественная и экономическая жизнь в Сибири была уничтожена и создала новое и усиленное большевистское движение»⁴⁴.

А вот свидетельства о зверствах белых писателя В.Г. Короленко, о которых он сообщал наркому просвещения А.В. Луначарскому: «... Когда пришли деникинцы, они вытащили из общей ямы 16 разлагающихся трупов и положили их напоказ. Впечатление было ужасное, но — к тому времени они сами расстреляли уже без суда несколько человек, и я спрашивал у их приверженцев: думают ли они, что трупы расстрелянных ими, извлеченные из ям, имели бы более привлекательный вид»⁴⁵. Революция и гражданская война узаконили неправовые формы подавления инакомыслящих, несогласных с режимом личной власти Сталина, задумавшим построение социализма в одной взятой стране.

Политика террора населения проводилась через карательные органы (ВЧК, ГПУ, НКВД, МГБ, КГБ, суд, прокуратуру, Военную коллегия Верховного суда, Особое совещание НКВД). Трагические последствия массовых репрессий 30-50-х гг. велики. Их жертвами стали как члены Политбюро ЦК партии, так и рядовые труженики, представители всех социальных слоев и профессиональных групп, возрастов, национальностей и вероисповеданий. По официальным данным, в 1930-1953 гг. было репрессировано 3,8 млн. человек, из них 786 тыс. было расстреляно. В чем смысл и цели массовых репрессий и террора («большой чистки»)? Во-первых, опираясь на сталинский тезис об обострении классовой борьбы по мере успехов социалистического строительства, власть стремилась ликвидировать реальную и возможную ей оппозицию; во-вторых, желание освободиться от «ленинской гвардии», от некоторых демократических традиций, существовавших в партии при жизни вождя революции («Революция пожирает своих детей»); в-третьих, борьба с продажным и разложившимся чиновничеством, массовое выдвижение и подготовка новых кадров пролетарского происхождения; в-четвертых, нейтрализация или физическое уничтожение тех, кто мог стать потенциальным противником с точки зрения властей (например, бывшими белыми офицерами, «толстовцами», эсерами и т. д.), в преддверии войны с фашистской Германией. Известны слова В.М. Молотова: «1937 год был необходим. Если учесть, что мы после революции рубили направо — налево, одержали победу, но остатки врагов разных направлений существовали, и перед лицом грозящей опасности фашистской агрессии они могли объединиться. Мы обязаны 37-му году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны»⁴⁶. В-пятых, создание системы принудительного, фактически рабского труда. Важнейшим звеном и явилось Главное управление лагерей (ГУЛАГ). ГУЛАГ давал накануне Великой Отечественной войны 1/3 промышленной продукции. В 1940 г. ГУЛАГ состоял из 53 лагерей, 425 исправительно-трудовых колоний, 50 колоний для несовершеннолетних. В них содержалось 1 млн. 668 тыс. заключенных⁴⁷.

В начале 1950-х антисоветские террористические движения были разгромлены, и терроризм практически исчез из жизни советского общества на десятилетия. Люди привыкли к спокойной жизни, и понятие «террорист» стало для них атрибутом западного мира и Арабского Востока. И вот где-то в 70-е годы терроризм вдруг возвратился в Советский Союз, как говорится, в импортном варианте, в тех формах, которые были хорошо знакомы Западу (захват заложников, угон самолетов)⁴⁸.

В отличие от сегодняшнего времени, в советский период истории существовал запрет на публикацию чрезвычайных событий (взрывов, терактов и т. д.), хотя компетентные органы (КГБ, МВД и т. д.) вели свою статистику. Таких событий насчитывалось в год до 500. Для сравнения: ныне происходит их более 600.

Кроме того, официально бытовало мнение о том, что теракты делают умственно неполноценные люди. Так, например, капитан В.Ильин, попытавшийся в свое время осуществить одиночное покушение на высшее руководство во главе с Л.И. Брежневым после встречи космонавтов, был признан невменяемым. Двадцать лет его лечили в психбольнице. Террорист слесарь А. Шмонов, стрелявший из охотничьего ружья в М.С. Горбачева во время октябрьской демонстрации в 1990 г., не был подвергнут заключению, а всего лишь отправлен в психиатрическую больницу. Спустя семнадцать лет он вернулся в свое заводское общежитие микрорайона Простоквашино в Санкт-Петербурге. На вопрос корреспондента НТВ «Жалеете, что стреляли?» он дал такой ответ: «Я не жалею, что стрелял, а жалею о том, что не попал».

Ныне Шмонов уверяет, что с тех пор не брал в руки ружья. Но, когда ему в качестве эксперимента репортеры предложили выстрелить по мишени, он с первого выстрела попал «в яблочко». С пятидесяти метров! А тогда на Красной площади от генсека его отделяли 46 метров⁴⁹. В наше время отечественное телевидение охотно представляет возможность этим бывшим террористам выступать на голубом экране, на страницах газет.

Нападению террориста-одиночки подвергся и президент РФ Б.Н. Ельцин. В ноябре 1998 г. пенсионер Иван Орлов, снарядив свой старый «Москвич» зарядом бензина и бомб, ринулся к Кремлю. Таким образом он выразил протест против существующих порядков. Как писала оппозиционная газета «Завтра», «Господь выхватил его из пламени взрыва, сохранил ему жизнь, явив чудо»⁵⁰.

Еще раньше (в январе 1993 г.) готовил покушение на Ельцина майор стройбата И. Кислов из Хабаровска. Он не мог ему простить развал СССР. Проникнув на территорию администрации президента, он хотел дожидаться кортежа Ельцина и зарезать его. Суд признал его невменяемым⁵¹.

В годы холодной войны, как правило, теракты не осуществлялись на территории сверхдержав, а происходили в третьих странах, где имелось влияние обеих сил. Существовала некая молчаливая конвенция — где можно применять террор. А за плечами террористов обязательно стояла одна из

двух сверхдержав. Советский Союз поддерживал леворадикальные группировки в Латинской и Центральной Америке, а также на Ближнем Востоке. США поддерживали другую модель терроризма, так называемых «либерти файтерз» («борцов за свободу»), радикальных сторонников либерализма, например, «контрас» в Никарагуа или антисоветские силы в Анголе. Одной из подобных групп, сформированных ЦРУ и поддерживаемых официальным Вашингтоном, были радикальные исламисты. Они были вскормлены во время холодной войны как конкретный инструмент американского геополитического влияния в третьих странах⁵².

5. Типология терроризма

С годами террор набирает обороты, наполняется новым содержанием, усложняется его структура, появляются новые виды. Типология террора включает в себя ныне политический, экономический, технологический (ядерный), этнорелигиозный, информационный (медиа-терроризм), геномный, международный, психологический и др.

Политический терроризм многолик. С одной стороны, он практикуется тоталитарными режимами для подавления воли народов, политических групп и их лидеров, с другой — используется этими подавляемыми (у некоторых часто не остается других средств) в борьбе за свои права, свободы, выживание и независимость, с третьей — применяется экстремистами различных мастей⁵³.

Разновидностью массового террора, истребления отдельных групп по расовым, национально-этническим или религиозным признакам является геноцид — одно из тягчайших преступлений. Это понятие происходит от гр. Genos род + лат. Caedere убивать, букв. уничтожение рода, племени⁵⁴.

Изучение причин геноцида и межнациональных зверств почти всегда показывает господство «племенной» этики, не склонной видеть в чужаках людей. Некоторые формы национализма — это, видимо, всего лишь та же племенная этика, только перенесенная на более многочисленную общность — современные средства коммуникации, связывая огромные территории, позволяют видеть в миллионах людей свою «общину», а в миллиардах соответственно нелюдей — чужаков. Все это выражение того кошмара, который подстерегает культуру современного гражданского общества. К примеру, нацисты считали евреев недочеловеками и снимали фильмы, в которых изображения предпринимателей из евреев чередовались с образами крыс, подгрызающих основание строящегося дома.

Экономический террор связан с использованием экономической мощи государства (государств) против враждебных, неудобных стран либо отдельных компаний, фирм, предприятий. Для этой цели используются как протекционистские меры, экономические санкции (блокада, эмбарго (запрет) на поставку различной продукции и т. д.), так и административные, дипломатические методы.

Технологический (ядерный) терроризм становится центральной проблемой мирового сообщества. И его породили ученые. С появлением атомной промышленности, достаточно взорвать АЭС, чтобы потерять жизнь половины Европы. Технологический терроризм — страшная болезнь, да еще положенная на адекватность наркомании и всеми любимое телевидение. Когда его включаете, видите, что террорист — герой дня. Он всех завоевал, всех подчинил, поджег, взорвал. Мгновенно. Его все боятся. И каждый ребенок смотрит, где он ошибся. Это своего рода курсы повышения квалификации⁵⁵ ...

Этнорелигиозный террор заявил о себе еще во времена крестовых походов. Отзвуком религиозных войн в Европе служат события в Северной Ирландии. Там взаимоотношения католиков и протестантов в конце XX — начале XXI вв. омрачены серией террористических актов.

Если в 60-е и 70-е годы в Европе и США основными мотивами террористов были мотивы политического характера, то сейчас акценты сместились в сторону религиозного фанатизма. В 1980 г. лишь 2 из 64 «опасных террористических групп» имели ярко выраженный религиозный характер; в 1990 г. таких было уже 11 из 48, в 1995 г. — 25 из 58, а сегодня — 49 из 85⁵⁶.

В последние десятилетия процесс политизации ислама как вероучения и образа жизни переживает свой апогей. Исламский фактор как новый феномен геополитики оказывает решающее влияние на формирование общественного сознания, государственной политики значительного числа стран. Этот фактор играет все более заметную роль в мировой политике и международных отношениях. В мусульманских странах проживает до 1,5 млрд человек. Из 120 стран мира, в которых есть мусульманские общины (уммы), в 35 мусульмане составляют большинство населения. В России представители мусульман составляют 15% населения страны.

Геостратегический исход России с мусульманского Востока, начавшийся с вывода советских войск из Ирана в 1946 г. и Афганистана в 1989 г., объективно выдвинули этот обширный регион в эпицентр глобальных противоречий в мире. Стремительный ход исламского мира на авансцену мировой политики сопрягается с наметившейся тенденцией перемещения оси планетарного противоборства в плоскость «Север-Юг», противоречий между «богатым Севером» и «бедным Югом». Геополитическое и цивилизационное противоборство имеет место вдоль естественных границ, разделяющих геокультурные образования, прежде всего мусульманской и западной, православно-славянской, конфуцианской и индуистской цивилизацией. Особенно отчетливо эти линии разграничения просматриваются по так называемой «мусульманской дуге нестабильности», если использовать терминологию З. Бжезинского. Это — афганское направление в сторону Центральной Азии, прежде всего, Таджикистана и Узбекистана. Далее — российская Сибирь. Следующее — кавказское направление. (Подробнее см. в статье Д.Д. Пеньковского в данном сборнике). Турция стремится распространить свое влия-

ние на Азербайджан, Чечню, Дагестан и другие республики. Есть планы сомкнуть исламские ряды с Татарстаном и Башкортостаном (Волжское направление). Еще один вектор исламского распространения с кавказского плацдарма — Крым, Балканы.

В каждой религии есть умеренные последователи и ортодоксы. Благодаря последним, эдаким пассионариям, сохраняется национальное чувство народа, который может оказаться в чрезвычайных условиях, ассимилироваться, раствориться в другом народе.

Так, фундаменталисты в исламе дают импульсы, возрождают традиции, культивируют богоизбранность мусульманских народов. В случае угроз объявляют «джихад» (священную войну против неверных, как их называют на Востоке, «кяфиров»). Несмотря на известный экстремизм, мусульманские радикалы способствуют единению мусульманства как мировой общности.

В исламе в последнее время набирает силу радикальное религиозно-политическое учение — «ваххабизм», которое возникло в XVIII в. на Аравийском полуострове. Цель его — очистить ислам от искажений, навести «исламский порядок».

Согласно представлениям «террориста номер один» Усамы Бен Ладена, многовековая борьба между истинно верующими и неверными прошла несколько стадий. Поначалу неверными руководили различные европейские империи: Византийская, Священная Римская, Британская, Французская и Российская. На заключительной стадии этот мир разделился между двумя соперничавшими сверхдержавами — Соединенными Штатами и Советским Союзом. Мусульмане достойно ответили на вызов со стороны наиболее опасной из этих двух безбожных сил, уничтожив СССР. А разобраться с изнеженными, избалованными и мягкотелыми американцами, считает Усама Бен Ладен, было делом техники⁵⁷.

«Аль-Каида» (его руководство) считает, что противостояние между иудео-христианским Западом и исламом имеет антагонистический характер. Джихад Усамы Бен Ладена так же бескомпромиссен, как и крестовый поход Джорджа Буша после терактов 11 сентября.

Лоуренс Райт, преподаватель одного из американских университетов, обозреватель журнала *New-Yorker*, обладатель Пулитцеровской премии, изучив многочисленные документы и взяв интервью у 483 участников и свидетелей «Аль-Каиды», составил психологические портреты руководителей этой организации, их социального и семейного окружения, выявил мотивы их поведения. Описание личности Бен Ладена теми, кто хорошо его знал, идет вразрез со всеми ожиданиями: маргинал из семьи миллиардеров крайне скромен, ведет монашескую жизнь в глубине пещер; предупредителен в обращении со своими четырьмя женами, у двоих из которых — докторские степени (у одной по детской психологии, у другой — по лингвистике). Безупречный отец 15 детей, саудовский националист, впоследствии — антиамериканист; считается, что у него ограниченные умственные способности, по-

этому на него оказывает влияние египтянин Айман аль-Завахири, его заместитель и мозг «Аль-Каиды»⁵⁸.

Фил Рис, автор книги «Обед с террористами», подтверждает мысль ученых-психологов — как зарубежных, так и отечественных⁵⁹ — о том, что ни один из них не считает себя террористом, все они убеждены, что отвечают насилием на насилие со стороны угнетателей.

По мнению Ф. Риса, палестинцы реализуют в точности такую же стратегию сопротивления, какую применяли сионисты под властью британцев (1922-1948 гг.) и французы в годы нацистской оккупации. В 1997 г. Рис познакомился с одним из основателей «Хамаса» — террористической организации. Он показался ему интеллектуалом, выпускником американских университетов, профессором инженерных наук в исламском университете Газы, автором нескольких книг по технологии и политике. Исмаил Абу-Шанаб поведал ему, что с удовольствием поддержал бы соглашения, достигнутые в Осло, если бы верил, что Израиль допустит создание настоящего Палестинского государства. В свои 47 лет Абу-Шанаб оставался бойцом, несмотря на восемь лет заключения в израильских застенках, из которых два года он провел в полной изоляции в крохотной подземной камере. Шесть лет спустя, в 2003 г. Филу Рису выдалось посмотреть репортаж спутникового телеканала о том, как ехавшего в автомобиле Шанаба разорвало на куски ракетой, выпущенной с израильского вертолета⁶⁰.

Еще одна особенность религиозного терроризма — ужесточение при проведении терактов смертниками. Если на протяжении всех 80-х годов зафиксировано 32 таких вылазки, то в 90-е годы их стало 109, а всего за два года — 2000-й и 2001-й — 83! В одном только 2006 г. и в одном только Афганистане их было зафиксировано уже 130. Есть предположение у В. Иноземцева, известного международного геополитика, что с учетом Ирака и зоны ближневосточного конфликта число таких нападений превышало в 2005-2006 гг. 500 случаев в год⁶¹.

Исследователи, в частности А. Каменецкий, обращает внимание на связь психологии террориста с таким явлением, которое известно в психоанализе, как *Das Mortido* («мортидо» — стремление к смерти). Мортидо занимает важное место в психодинамике ритуального самоубийства или аналогичного акта самопожертвования, так как является одной из основных доминант человеческой психики. Наряду с общеизвестным либидо *мортидо* незримо определяет линию нашего поведения, хотя его проявления не столь заметны. В целом же его можно описать как подавленную, замаскированную или открытую аутоагрессию, которая не имеет логически объяснимых причин и реализуется различными способами. Аутоагрессия может выражаться также в стремлении к страданию, к самоистязанию или — парадоксально — к истязанию других. Волны *мортидо* нередко совпадают с периодами пассивной активности этносов, когда коллективное бессознательное становится лабильным и выходит на поверхность материала. Этим можно объяс-

нить и нынешний всплеск активности смертников-шахидов: самоубийство сделалось в известной мере «модным»; напряженное переживание близости к смерти, экстаза страдания и исступления веры смешиваются в некий наркотический коктейль⁶².

Человек, вступивший на путь шахида, воителя священной войны (джихада), получает новый социальный статус «избранного» в глазах семьи, клана, уммы в целом. Группа, активно поддерживая шахида, укрепляет и свое коллективное самосознание. Кровь шахида укрепляет миф подобно крови жертвенного агнца. Террористы-самоубийцы — не что иное, как плод коллективного гипноза, суггестивного воздействия группы на самое себя.

Шахид начинает жить мыслью о предстоящем подвиге и дальнейшем преображении⁶³.

Вознесшись в рай, он получает вознаграждение. В частности он будет иметь роскошную еду и напитки и его будут окружать 70 девственниц.

Спецслужбы ряда государств обнаружили такую особенность: половые органы смертников обмотаны тряпками и, поверх тряпок, проволокой. Оказывается, это своего рода мера, предотвращающая непроизвольное семяизвержение от перевозбуждения в момент совершения теракта. Шахиды считают необходимым беречь сперму для ожидающих его на небесах женщин⁶⁴.

Следует различать ислам и исламизм. Ислам как вероучение и исламизм как идеологию и практическую деятельность, направленную на внедрение исламских норм, прописанных в шариате. Ислам, как показывает жизнь, прекрасно адаптируется к изменяющимся условиям общественного бытия. Исламизм же следует рассматривать как защитную гиперреакцию на неумеренную адаптацию, грозящую самоуничтожением ислама. Аналитики утверждают, что на путь исламизма (в результате краха идеи мирового коммунизма) встали отдельные революционеры-террористы. Например, знаменитый террорист «Карлос» (Ильич Рамирос Санчес), принявший ислам. Он до ареста в Судане был на службе исламистов. Сейчас отбывает пожизненный срок во французской тюрьме. Гейдар Джемаль, председатель Исламского Комитета России, говорит, что «тема мировой революции, идущая воистину красной нитью через всю человеческую историю, это, прежде всего, религиозная тема. Ислам сегодня есть наиболее последовательное воплощение и стратегический ресурс этой сквозной революционной темы... Только союз политически активных мусульман со всеми борцами против Системы во всех уголках планеты может предотвратить не фантастическую «ядерную зиму», а подлинную «социальную зиму», которая несет теплокровной живой истории «zero» абсолютного холода»⁶⁵.

В связи с терактами в США сложилось мнение, что существует только исламский терроризм. А ведь фундаменталисты существуют везде. Например, в Америке сильные позиции имеет протестантская организация WASP (White Anglo-Saxon Protestant — белый протестант-англосакс).

По данным печати, Джордж Буш поддерживает эту организацию. Показывая свое благожелательное отношение к фундаменталистам, он посетил Протестантский университет Боба Джонса (его руководство считает католическую церковь лишь вредной сектой)⁶⁶.

В начале 2000-х годов в «черном списке» государственного департамента США числилось 30 экстремистских (террористических) организаций в мире. Из них 17 имеют прямое отношение к Ближнему и Среднему Востоку и мусульманскому сообществу. Из них только 8 связано с радикальной исламской идеологией. Среди них: «Джихад» (Египет) участвовала в убийстве президента этой страны в 1981 г., рассматривает Вашингтон в качестве первейшего врага. Далее — «Абу Саяф» — лидер афганских моджахедов периода советского присутствия. Эта экстремистская организация участвовала вместе с другими организациями в теракте во Всемирном торговом центре в Нью-Йорке в 1993 г. и покушении на египетского президента Мубарака в 1995 г.

Известны своей террористической деятельностью палестинские организации ХАМАС, Хезболлах. В 1998 г. в списке появилась организация Бен Ладена «Аль-Каида». Новым дополнением в списке Госдепа стала такая группировка, как «Исламское движение Узбекистана»⁶⁷.

Исламские террористические организации опираются на финансовую мощь так называемого «Зеленого Интернационала», который имеет до 10 млрд. долл. Он поддерживает материально 50 тысяч боевиков в 80 странах мира.

В начале 2000-х гг. окончательно сложился суннитский «арабо-исламский террористический интернационал», благодаря усилиям Аль-Кайды. А к 2007 г. после введения международных санкций против ядерных амбиций Тегерана — стал крепнуть ирано-исламский, а точнее шиитский интернационал⁶⁸.

Опубликованы страшные цифры «калькуляции» боевиков в Чечне. Бандиты оценивали жизнь российского солдата в 100 долл., милиционера — в 150 долл. Закладка фугаса, на котором могли подорваться десятки наших солдат и офицеров, оплачивалась по таксе, начиная с 10 долл. За убийство офицера плата составляла в среднем 1000 долл., за подрыв бронетехники — до 5000 долл⁶⁹. А что касается терактов с большим числом жертв среди мирных жителей, то в этом случае исполнитель получал десятки тысяч. В настоящее время членам семьи боевика, сражающегося в Афганистане с войсками антитеррористической коалиции, выплачивается по 500 долл. ежемесячно и в случае смерти одновременно 10 тыс. долл.

Информационный (медиа-) террор. В современных условиях, как никогда, возросла роль информации во всех сферах человеческой деятельности. Принцип «кто владеет информацией, тот владеет всем» получает все большее подтверждение. Действия средств массовой информации (печать, радио и телевидение), скоординированные и спланированные, оказываются мощным оружием, важнейшим средством манипуляции общественным сознанием.

Под термином «информационный терроризм» А.И. Смирнов понимает:

1) «использование информационных средств в террористических целях — угрозы применения или применения физического насилия в политических целях, запугивания и дестабилизации общества и таким образом оказания влияния на население и государство;

2) действия по дезорганизации автоматизированных информационных систем, создающие опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступление иных общественно опасных последствий, если они совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угрозы совершения указанных действий в тех же целях.»⁷⁰

По мнению Бека, группы террористов, охваченные жгучей ненавистью, атакуют не конкретных людей. Они атакуют «образ врага, спроецированный на не включенное в борьбу гражданское население». (Бек, 2002).

Терроризм реальный становится действием виртуальным, эдаким шоу, «трансполитическим зеркалом Зла» (Ж.Бодрийяр).

Так, обрушение в прямом эфире нью-йоркских башен-близнецов вызвало у искушенных общемировых телезрителей ощущение просмотра очередного и, в общем-то, уже виденного много раз фильма-катастрофы, а боевики М. Бараева, оказавшиеся неожиданно на сцене театрального центра на Дубровке, были посчитаны зрителями поначалу за оригинальную находку режиссера-постановщика мюзикла «Норд-Ост»⁷¹.

Информация используется в качестве средства в противостоянии субъектов мировой политики. Это средство стало настолько мощным и эффективным, что получило название «информационной войны». Информационная война — это воздействие информационного ресурса потенциального или реального противника и, как следствие, его ответная реакция⁷².

Значительная роль в информационном мире отводится мировой суперсети «Интернет».

По данным Национального антитеррористического комитета РФ, в настоящее время в мире действует около 5 тысяч Интернет-сайтов, активно используемых террористами⁷³.

Структура содержания террористических сайтов имеет много общих черт. Такой сайт содержит информацию об истории организации, красочное интерфейс-обрамление, сведения о наиболее заметных «боевых операциях», биографии лидеров, основателей и «героев». Значительная часть материалов посвящена жестокой критике «врагов» и разоблачению их «зверств» как основание для непримиримой борьбы с ними. Националистические и сепаратистские сайты часто демонстрируют карты спорных областей. Например, сайт ХАМАС содержит карту Палестины (разумеется, в тех границах, в которых это государство видится террористам)⁷⁴.

Американский специалист Габриэль Вейман установил восемь способов использования Интернета террористами:

1. проведение психологической войны,
2. поиск информации,
3. обучение террористов,
4. сбор денежных средств,
5. пропаганда,
6. вербовка,
7. организация сетей,
8. планирование и координирование террористических действий⁷⁵.

К ноябрю 2004 г. аризонские математики выяснили с помощью Интернет-мониторинга правительственных и общественных организаций, что в самих США действуют 224 местные террористические группы, а за рубежом, в американском киберпространстве — 440. У этих групп, тесно связанных друг с другом через Интернет, было в распоряжении 108 зарегистрированных в США веб-сайтов, 68 веб-сайтов террористов из стран Латинской Америки и 135 сайтов террористических организаций стран Ближнего и Среднего Востока⁷⁶.

Президент США Джордж Буш подписал распоряжение, которое расширяет полномочия Агентства национальной безопасности — самой секретной и крупной из 16 спецслужб США. АНБ совместно с ФБР и ЦРУ будет следить за безопасностью компьютерных сетей федеральных министерств, которые уже неоднократно становились мишенью для хакеров-террористов. Созданное в 2002 г. (после 11 сентября) Министерство внутренней безопасности должно защитить системы от взломов. Пентагону в случае обнаружения угрозы поручено контратаковать и выводить из строя сервер-нарушитель в других странах.

В последние годы в США была зафиксирована целая волна атак на сети Пентагона, Министерства торговли и Министерства внутренней безопасности, а также другие учреждения. Например, в декабре 2007 г. было совершено нападение хакеров на национальную лабораторию в Оук-Ридж в штате Теннесси, где проводятся ядерные исследования⁷⁷.

В США «информационно-психологическое оружие» относится к разновидности «нелетального оружия массового поражения» (ОМП). Оно способно обеспечить решающее стратегическое преимущество над потенциальным противником. Его отличительная особенность от остальных видов ОМП и главное преимущество заключается в том, что оно не попадает под принятое в международных нормах понятие агрессии. Спецслужбы фактически никак не могут помешать террористам пользоваться Интернетом. Не существует законов, которые могли бы позволить закрыть сайты. Власти могут лишь попробовать заставить провайдеров сделать это. Но даже когда удастся закрыть террористический сайт у одного провайдера, этот сайт может появиться

ся снова у другого. Так только за пять недель арабский веб-сайт «Аль-Каиды» alneda.com поменял три сервера⁷⁸.

Вот уже более десятка лет функционирует небезызвестный информационный сайт чеченских террористов «Кавказ-центр». В печати и прочих СМИ нередко появляются ссылки на него. Существование подобных сайтов поддерживается провайдерами, стремящимися любой ценой нажать на трафике раскрученных брэндов. Ведь львиную долю прибыли провайдеров, как правило, составляют доходы от посещаемости сайтов. Если есть прибыль, то многие из них закрывают глаза на содержание сайтов, которым они предоставляют хостинг (обслуживание).

Так, в начале октября 2004 г. «Кавказ-центр» «вдруг» затих (вспомним, что случилось в сентябре в Беслане). Но молчание длилось недолго. Несколько дней он поразмещался на сервере одного из клиентов финской телекоммуникационной компании «Telia Sonera» — Интернет-рупора чеченских сепаратистов, а 13 ноября заработал уже в Швеции. Известно, что в разное время основной сервер «Кавказ-центра» размещался в США, Литве, Эстонии, в Финляндии⁷⁹.

Большая часть данных на веб-сайтах написана на арабском и зашифрована. Зашифрованная информация помещается в цифровые фотографии, и это делает весьма затруднительным или даже невозможным ее расшифровку. После 11 сентября члены «Аль-Каиды» переслали сотни зашифрованных сообщений, скрытых в цифровых фотографиях, они пользовались сайтом интернет-аукционов e Bay.com. Большинство сообщений было отправлено из интернет-кафе в Пакистане и из общественных библиотек по всему миру⁸⁰.

Интернет стал идеальным местом и для начинающих террористов. В нем существует масса сайтов, на которых выложена детальная информация о том, как можно изготовить оружие и взрывчатку из подручных материалов, как связаться с представителями террористических групп. Перехват сообщений террористов крайне затруднен. Они контактируют друг с другом нерегулярно, сеансы связи продолжаются короткое время, в сообщениях широко используются намеки и иносказания, понятные лишь посвященным. Сигнал о начале террористического акта часто состоит лишь из одного кодового слова⁸¹.

Террористы создают так называемую «логическую бомбу» — это набор команд, внедряемых в программу. «Бомба» срабатывает при определенных условиях: по истечении определенного времени или нажатия определенной клавиши. Внедренная, например, в систему управления поездов метрополитена, она может блокировать работу «подземки». В 2003 г. внезапное отключение электроэнергии в Канаде и Соединенных Штатах, по последним оценкам экспертов, тоже было киберактом. Атаковавшим удалось с помощью компьютера замкнуть сеть, в результате чего были обесточены самые крупные города, заблокированы банки, «рухнула» биржа. Падение доллара всего на несколько часов стоило американской казне нескольких сотен миллионов⁸².

Информационный, или Медиа-терроризм широко используется как средство достижения победы в избирательных кампаниях. По данным исследования, проведенного Украинским центром экономических и политических исследований им. А. Разумкова, наиболее реальны следующие проявления и методы медиа-террористического воздействия в электоральном процессе: создание информационно-психологического давления на работников избирательных комиссий с помощью подконтрольных СМИ; создание такого давления на дружественные (комплиментарные) СМИ и лица, предоставляющие финансовую и организационную помощь оппонентам обслуживаемого претендента; размещение медиа-террористических материалов в зарубежных СМИ; стимулирование «катастрофических» настроений, массового ощущения неизбежности чрезвычайного положения, предчувствия непоправимой ошибки в случае, если победит оппонент; широкое использование откорректированных результатов социологических исследований; организация дискредитации социологических служб оппонента и презентуемых ими данных; выведение из строя компьютерных сетей и интернет-сайтов оппонентов, блокирование чатов, на которых проводятся интервью с ними, размещение там же недостоверной и сфабрикованной информации; создание фальшивых интернет-сайтов и размещение на них фальсифицированной информации; создание и распространение от имени оппонента листовок, пресс-релизов, заявлений и комментариев (компрометирующих или раздражающих), провоцирующих его на выгодные заказчикам, организаторам и исполнителям медиа-террористической акции информационные или поведенческие эксцессы⁸³.

Новый виток терроризма (или «новый» терроризм) учитывает взаимосвязанность глобализирующегося мира. Его акции строятся на принципе «домино», а менталитет организаторов сетевого терроризма напоминает стиль мышления опытных шахматистов. В мировом сообществе возникает «эффект бабочки», когда событие в одном месте способно вызвать лавинообразные последствия в другом, к примеру, в сфере общественной психологии или финансово-экономических операций, достаточно уязвимых для подобного рода системных влияний⁸⁴.

Следует подчеркнуть, что в последнее время усложнился и расширился инструментарий и информационного (медиа-) терроризма. Используются также формы и методы информационного воздействия на человека: выборочное замалчивание, дезинформация, стереотипы, утечка информации, двойной стандарт, зомбирование, агенты влияния.

Информационно-смысловой удар дезориентирует человека; информационно-эмоциональный — делает человека нечувствительным; информационно-нравственный — разрушает в человеке представление о том, «что такое хорошо, и что такое плохо», и, наконец, информационно-исторический удар приводит к тому, что человек перестает понимать, кого он, и начинает забывать свои корни⁸⁵.

Резюмируя сказанное, можно использовать суждение Э. Тоффлера: «Информационная бомба взрывается в самой гуще людей, осыпая как шрапнелью образов и в корне меняя и восприятие нашего внутреннего мира и наше поведение»⁸⁶.

Геномный терроризм. На человечество надвигается новый вид терроризма — геномный. Биотехнологи могут разрезать ДНК произвольно или в определенных участках гена, а потом склеить ДНК разных клеток и организмов. То есть, уже нет абсолютно никаких препятствий для конструирования геномного оружия массового поражения.

Первое поколение биологического оружия — это генно-инженерные копии белковых токсинов, которые можно произвести в любой лаборатории, например, с помощью дрожжей.

Второе поколение — гибридные микроорганизмы, имеющие 100-процентную смертность на обработанной территории. В Австралии, в частности, выведен искусственный вирус мышьяковой оспы, полностью отключающий работу иммунной системы животного. Этот вирус практически не отличается от вируса человеческой оспы. Если оружие первого поколения может быть создано отдельной террористической группой, то второго — под силу развитым странам Запада и частично Китаю, Ирану, Кубе, Пакистану, Индии, Израилю. Через 4-5 лет такие разработки будут доступны любой стране.

Третье поколение — геномное оружие, так называемое несмертельное (понижающее иммунитет), болезни, вызывающие массовое расстройство сознания: депрессию, агрессивность, понижение скорости мышления и т. д. Другими словами, «мозговая бомба». Даже США не могут обезопасить себя от простейшего биологического оружия — чумы и сибирской язвы.

Одной из важнейших проблем современного мира является **международный террор (терроризм)**.

Важно отметить, что дать научное (криминалистическое, международно-правовое) определение международного терроризма — дело непростое. Лига Наций еще до Второй мировой войны пыталась разработать соглашения по его предотвращению и пресечению, но не добилась успеха из-за отсутствия согласия между странами-участницами. По той же причине, несмотря на дебаты, продолжавшиеся в течение 60 лет, ООН также не смогла дать определение терроризма. В силу этого Международный уголовный суд, созданный в 1998 г., вынужден был исключить из своей практики международный терроризм.

И.М. Ильинский дал свою оригинальную трактовку такого сложного явления современности, каким является международный терроризм. И это крайне важно для специалистов, которые занимаются изучением проблем глобалистики, геополитики, организованной преступности и, конечно, терроризма. По его мнению, террор — это привилегия власти (силы), меньшинства над большинством, он осуществляется «сверху вниз». «Международный терроризм» — это ответная реакция «слабых» на международный террор «силь-

ных». Террор и терроризм — «зеркальные» явления; одно определяет другое. Там, где есть террор, неизбежно возникает терроризм. И наоборот⁸⁷.

Есть и более пространное, научно выверенное определение: «Международный терроризм — это мотивированные незаконные ответные насильственные действия (их организация или содействие им, в том числе путем финансирования или кадровой поддержки), осуществляемые представителями одного или нескольких государств против другого или других государств, имеющие первой целью устрашение отдельных лиц, групп людей или всего населения с тем, чтобы достигнуть определенных идеологических, религиозных, национальных, экономических, политических или социальных результатов в свою пользу»⁸⁸.

Свой взгляд на международный террор высказывает известный геополитик А. Дугин. Он считает, что произошла «существенная мутация террора: в однополярном, пусть номинально, мире обнаружился симметричный ему фактор влияния, получивший название «международный терроризм» и новую функциональную нагрузку. Отныне этот термин стал обозначать радикальные действия всех противников однополярного глобализма»⁸⁹.

Он выделяет геополитический контекст как самую существенную базу для возникновения терроризма, так как радикальность этого политического средства сплошь и рядом сопряжена с решением великими державами серьезных геополитических задач, немного превышающих формальную сторону теракта, требования его исполнителей и т. д. Геополитический подтекст терроризма может быть совершенно отличным от той политической модели, которой вдохновляются сами террористы, и в данном случае они оказываются слепым и бессознательным орудием тех геополитических сил, о существовании которых сами они порой не догадываются⁹⁰.

Изучению вопроса международного терроризма посвящены работы таких ученых, как: швейцарского исследователя Т. Деникера («Стратегия анти-террора»), французского исследователя Робера Силе («Террористический вызов»), западногерманской исследовательницы И. Беккер («Дети Гитлера»), польского ученого А. Бернгарда («Стратегия терроризма»), венгерской исследовательницы Е. Ангел («Лидеры потрясенного сознания») и т. д. Авторы этих трудов стремились исследовать и постичь причины, мотивы, механизмы и психологию совершения террористических актов.

П.С. Золотарев выделяет как формообразующие международного терроризма: процессы глобализации, разрушение двухполюсного миропорядка, цивилизационный кризис, наследие «холодной войны»⁹¹.

Формы современного международного терроризма: необъявленные войны, экспорт революций и контрреволюций, политические убийства, взрывы, похищения, избиения и издевательства, ограбления банков, ювелирных магазинов, захват самолетов, кораблей, захват государственных учреждений, посольств и т. п.

По мнению профессора Адриана Гелке из Центра исследований этнических конфликтов в Белфасте, американская администрация ошибается, считая 11 сентября «поворотным» для современной истории. Путь международному терроризму — этой новой форме сопротивления всемогущей гегемонии США — открыл распад Советского Союза. В глазах же Вашингтона террористическими являются уже любые движения, сопротивляющиеся американской гегемонии; не являются же таковыми лишь те, кто ее принимает. Государственный терроризм терпят или поощряют, если он осуществляется в интересах США. В многополярном мире террор остается единственным оружием, с помощью которого слабые способны угрожать сильным мира сего в асимметричных конфликтах⁹².

Расширение и углубление угроз международного организованного терроризма заставляет мировое сообщество искать различные средства и способы противодействия этой глобальной угрозе. Здесь и юридический (политико-правовой) аспект, т. е. создание международно-правовой базы, и наращивание мощи силовых структур, и использование научно-технических достижений по предотвращению терактов, поиску источников по финансированию и созданию материально-технической базы антитеррористических организаций. Например, в глобальной войне с международным терроризмом США смещает свои приоритеты на развитие высокоточного скоростного и сверхскоростного управляемого оружия, т. к. контртеррористические операции в Афганистане и Ираке показали неэффективность имеющихся систем вооружения. По мнению военных экспертов, средства поражения атакующих террористов должны быть в идеале и самыми высокоинтеллектуальными свойствами поиска (разведки), идентификации, определения координат, в выборе метода атаки и гарантированного поражения в короткие сроки с минимальным побочным ущербом для окружающих объектов и населения. Среди новых технологий вооружений и методов борьбы с террористами — применение рассредоточенной сети специальных сенсоров (stand-off sensors) обнаруживать импровизированные взрывные и другие боевые средства (IEDs — Improvised Explosive and offer devices and weapons), заминированные объекты, автомобили, а также отдельных и мелких групп смертников. Усовершенствованные высокоскоростные и дальнобойные системы управляемого ракетного оружия со скоростями порядка М-5-6 и дальностями стрельбы в сотни километров также используются в борьбе с террористами. Так, управляемая ракета с гиперзвуковыми скоростями способна достигнуть цели в 9-10 раз быстрее, чем нынешняя крылатая ракета «Томахок»⁹³.

По некоторым оценкам, стоимость информационного компонента в современных вооружениях и военной технике составляет от 5 до 20% в зависимости от видов вооружений⁹⁴.

Для обуздания террористических организаций используется также «искусственная разведка», т. е. математическое моделирование поведения пока только руководителей террористов. При наличии огромного количества

ядерного оружия этнические конфликты могут превратиться в этноядерные. Дело в том, что террористические организации могут использовать в своих целях экстремистски и радикально настроенных работников. В 2002 г. в ядерной лаборатории Лос-Аламос вошел в строй суперкомпьютер под кодовым названием «Кью» (Q) с быстродействием 30 триллионов вычислений в секунду. В настоящее время действуют компьютеры с 100 триллионами вычислений в секунду. Уверенность в обуздании ядерного терроризма средствами «цифровых» технологий возрастает. Но угроза ядерных атак сохраняется.

Так, 21 марта 2002 г. в столице США прошли имитационные игры с предполагаемыми атаками «грязных ядерных» террористов. Ученые и офицеры ЦРУ, ФБР, военной разведки, полиции, спасательной и пожарной службы пришли к выводу, что на повестку дня встает борьба именно с «грязной ядерной бомбой». Прежде данный вид вооружений террористов всерьез не принимался во внимание. Но сегодня это оружие с малым количеством радиоактивных материалов легко создается в условиях растущего глобального рынка ядерных материалов и технологий. Такую «бомбу» совсем нетрудно создать. Несколько лет назад ЦРУ выдало грант группе студентов-физиков, причем начальных курсов. Им дали 5 тыс. долл. и те за 3 месяца по Интернету приобрели все необходимое для создания такой «бомбы». Это ли не свидетельство ее доступности?

Нельзя не отметить, что террористические акции не оказывают влияние на власть преобладающих, на внутреннюю и внешнюю политику отдельных государств. Так, после взрывов на испанских вокзалах (террористы арестованы и осуждены на значительные сроки) последовал вывод испанских воинских подразделений из Ирака⁹⁵. После захвата в Афганистане талибами группы южнокорейских граждан (со смертельным исходом некоторых из них) правительство Южной Кореи вынуждено было заявить в 2007 г. о выводе своего воинского контингента из указанной страны.

В начале 2008 г. было объявлено об отмене международного ралли «Дакар», впервые за всю 30-летнюю историю автомобильных гонок. Основное событие, повлиявшее на решение организаторов, произошло в Мавритании, где 24 декабря 2007 г. террористами были убиты четверо французских туристов⁹⁶.

6. Современный терроризм: тенденции и проблемы

По данным американского Мемориального института по предотвращению терроризма с 1968 по 2004 гг. были зарегистрированы около 20 тысяч террористических акций. В 7 тысячах из них оказались погибшие или пострадавшие⁹⁷.

Согласно исследованиям ряда российских ученых из аналитических служб ФСБ и данным зарубежных исследовательских центров, совокупный бюджет в сфере террора составляет ежегодно от 5 до 20 млрд. долл.⁹⁸

Многие державы используют террористические методы, которые называют «войной низкой интенсивности». И это считается экономически выгодным, ведь террористические способы ведения войны имеют небольшой риск, стоимость финансирования тоже невелика, а если операция успешна, выгода может быть значительна. В современных условиях, когда ядерная война практически невозможна и не может иметь победителей, поэтому терроризм становится одной из форм внешней политики⁹⁹.

Еще недавно в США эксперты вынуждены были избегать анализа социально-политических причин насилия, чтобы не быть заподозренными в оправдании террора. Считалось, что планете угрожает иррациональная ненависть неудачников к демократии. Мэтью Карр в книге «Неизвестные солдаты» восстает против неоконсерваторов, доказывая, что терроризм — это политика, осуществляемая посредством насилия. Этот ученый напоминает, что власть имущие называют участников национально-освободительного движения террористами, бандитами, уголовными преступниками, злодеями, монстрами, змеями, нечистью. Так, например, в 1950-е годы в Кении британская колониальная администрация представляла движение мау-мау как «дьявольскую секту». Позднее от рук мау-мау погибло 32 колонизатора и 167 служителей правопорядка (из них 101 африканец); зато «в ответ» поборниками порядка было убито 20 тыс. мау-мау, несколько сотен тыс. кенийцев было ранено, искалечено, изгнано из своих жилищ. Карр напоминает, что каждый из колониальных конфликтов закончился приходом к власти «террористических лидеров», стоит вспомнить хотя бы Джомо Кениату в Кении, Нельсона Манделу в ЮАР, Ахмеда Бен Беллу в Алжире, Менахема Бегина в Израиле и Анвара Садата в Египте¹⁰⁰.

Террористы учатся на опыте террористов различных стран и различных времен. Так, боевики из Ирландской республиканской армии «образца 1919 года» не оставили без внимания опыт русских террористов; латиноамериканские ультралевые учились на опыте кубинцев; сходство же приемов, применяемых политическими террористами против государства Израиль, и действий, с помощью которых сионисты подрывали британское владычество в Палестине в конце Второй мировой войны и сразу после ее завершения, способно поразить воображение читателей¹⁰¹.

Американские ученые Уолтер Эндерс и Тодд Сандлер, изучавшие проблемы современного терроризма в широком историческом контексте, пришли к интересным наблюдениям, выявив особенности и тенденции его проявления как на Западе, так и на Востоке¹⁰².

Они отметили такую особенность, как неадекватность ответов государства на действия террористов. Ответ государств «слишком масштабен», поставлен на широкую ногу, в известной степени предсказуем. С другой стороны, как говорят, ответ «улицы офису» незапрограммирован, терроризм меняет цели, тактику, ориентиры, не заикливаясь на уже достигнутом. Поэтому,

как показали трагические события 11 сентября 2001 г. в США, очень сложно обезопасить страну, важные оборонные объекты и простых граждан.

Исследователи обратили внимание на спад терроризма в Европе и Евразии и увеличение, наоборот, терактов против Америки и ее граждан в различных частях мира. Это подтверждает отчет Госдепартамента США по вопросам борьбы с терроризмом за 2006 г. Там отмечается, что совокупное число атак террористов выросло на 28,5% по сравнению с 2005 г., достигнув 14,3 тыс. инцидентов. В то же время доля инцидентов в Ираке и Афганистане увеличилась с 35,5 до 51,5% общего числа терактов. Жертвы этих атак составили почти 74% от общей численности жертв террора в мире в 2006 г. При этом количество терактов в Ираке и Афганистане выросло за один год на 86,7%! Госдепартамент признает, что в Европе террористическая активность снизилась за год на 21%, в Южной Азии — на 10%, а в Западном полушарии на 5%. Количество жертв, связанных с террором, снизилось в Индонезии по сравнению с 2005 г. в 20(!) раз. Эта статистика подтверждает вывод У. Эндерса и Т. Сандлера о том, что международный терроризм стал в начале XXI столетия терроризмом антиамериканским¹⁰³.

Современный терроризм — нечто существенно отличное от политического террора 60-80-х годов. Сегодня западному миру противостоит терроризм совершенно нового типа, более жестокий. Доля террористических акций, сопровождающихся гибелью людей, приближается ныне к 80%, хотя еще тридцать лет назад она немного «зашкаливала» за одну треть от общего количества¹⁰⁴.

Как же выглядит Россия в индексе внешних и внутренних угроз? Терроризм, территориальные споры, сырьевой характер экспорта, сокращение численности населения, эпидемия СПИДа, беспокойное окружение делает нас 81-й по уровню опасностей страной в мире (то есть на 111 позиции позади самых безопасных — Канады, Франции, Нидерландов)¹⁰⁵.

Место России в мире террора. Напряженность на Северном Кавказе создает питательную базу для совершения террористических актов. Как считает министр МВД Рашид Нургалиев, именно она катализировала криминальные процессы на всей территории России. Это и оружие, потребность в котором испытывали незаконные вооруженные формирования, и наркотики, и экономическая сфера, криминальный контроль над которой позволил бы подпитывать террористическую активность в различных регионах России. И, конечно же, террористические акты. Наиболее тяжелым в этом отношении стал как раз 2003 г., в течение которого в стране был совершен 561 теракт. То есть, в стране каждый день происходили один-два террористических акта!¹⁰⁶

В последние годы, по данным МВД, в России впервые за пять лет снизился уровень преступности. Деятельность бандитского подполья сегодня окончательно утратила признаки широкомасштабного и скоординированного вооруженного противостояния. В последнее время она все больше приобретает общественную направленность. Этому способствовали создание в 2006

г. Национального антитеррористического комитета (НАК), улучшение координации антитеррористической деятельности силовых структур, ликвидация нелегальных пунктов международных внебанковских денежных переводов, через которые осуществлялось финансирование террористических организаций. В итоге количество терактов даже по сравнению с 2006 г. сократилось почти в 2,5 раза, а раскрываемость их возросла до 80%. В 2007 г. на территории России совершено было 48 терактов.

Важным этапом развития законодательства по противодействию терроризму является период конца XX — начала XXI в. В 1996 г. принимается Уголовный кодекс Российской Федерации, в котором устанавливается уголовная ответственность за терроризм (ст. 205 УК РФ), вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению (ст. 205¹ УК РФ), организация экстремистского сообщества (ст. 282¹ УК РФ); организация деятельности экстремистской организации (ст. 282² УК РФ). В 1998 г. принимается федеральный закон «О борьбе с терроризмом», 2006 г. — федеральный закон «О противодействии терроризму».

Исследователи выделяют следующие характерные черты российского терроризма:

1. Терроризм как явление того времени был частью политической стратегии, а совершаемые террористические акты оправдывались некой политикой и иной идеологией или программой.
2. Деятельность террористов всегда групповая, организованная, а не индивидуальная, даже если группы немногочисленные.
3. Террористические акции террористы и их организаторы обосновывали (оправдывали) некой политической и иной идеологией и программой.
4. Наличие лидеров, способных мобилизовать людей на совершение террористических актов.
5. Терроризм проявлялся в актах социально и политически неприемлемого насилия.
6. Существовала модель символического и представительского (репрезентативного) выбора жертв и объектов террористических акций.
7. Любое политическое движение совершаемыми террористическими актами преднамеренно стремилось оказать психологическое воздействие на определенные группы населения насильем, с тем, чтобы изменить их отношение или политическое поведение¹⁰⁷.

Важным резервуаром для пополнения террористических рядов в России служит как праворадикальная, так и леворадикальная молодежь. По данным Л.С. Рубана, наиболее массовым (до 90%) и активным участникам ме-

жэтнических конфликтов обычно выступают молодые люди, которыми удобно манипулировать из-за недостатка социального опыта, относительно легкой внушаемости¹⁰⁸.

Среди террористов лица в возрасте 18-29 лет составляют 68,5%, а среди всех преступников, не являющихся террористами, — 50,6%; лиц в возрасте 40-49 лет соответственно 5,2 и 16,3%. Среди террористов в выборке не оказалось лиц в возрасте 50 лет и старше, в то время как среди всех преступников их 5%. Итак, средний возраст террористов — 27,9 года, а всех других преступников — 32,1 года¹⁰⁹.

Согласно социологическим исследованиям, проведенным учеными МГУ им. М.В. Ломоносова, 2-3% граждан являются постоянными носителями агрессии (склонности к экстремизму), а около 10-15% подвержены воздействию экстремистской идеологии и пропаганды¹¹⁰. Вышеприведенные данные свидетельствуют о том, что в современной России имеется определенная социальная база для создания и функционирования молодежных группировок криминального толка и, больше того, боевых террористических организаций — БТО (ультраправых и ультралевых). В качестве идеологической основы в этих организациях выступают расовая, национальная или религиозная ненависть либо вражда.

Правоохранительные органы Санкт-Петербурга раскрыли ультраправую организацию Дмитрия Боровикова в середине 2006 г. Эта БТО убила ученого-антифашиста Д. Гиренко, демонстративно расстреляла студента-африканца. Лидеры этой организации вначале входили в знаменитую группировку «Шульц-88», но, разочаровавшись в ее «мягких» акциях устрашения («шульцы» всего лишь избивали жертвы ногами или бейсбольными битами), они создали свою группировку «Мэд крауд» (бешеная толпа). Но вскоре и ее разгромила милиция. Дмитрий Боровиков и Алексей Воеводин создают глубоко законспирированную боевую террористическую организацию. Практически никакие более-менее серьезные вопросы, касающиеся жизнедеятельности группы, не обсуждались по телефону. Участниками была разработана система паролей, указывающих на время и место встреч членов БТО. Чтобы раздобыть деньги, они совершали экспроприации — грабили почты. 15 декабря 2003 г. ими был ограблен и убит гражданин Южной Кореи. В программе БТО — война с Системой, основной враг — ZOG (еврейское оккупационное правительство). В своих наставлениях члены БТО давали подробные инструкции о том, как «подмешивать яд в кока-колу и предлагать напитки бомжам или уличным попрошайкам, чей вид оскорбителен белому человеку». Программа группы Боровикова основывалась на идеологии белого расизма, которую проповедовал лидер американского Национального альянса Уильям Пирс, один из первых ультраправых радикалов. Основным средством достижения расовой революции он считал дестабилизирующий террор¹¹¹.

Что же касается леворадикальных организаций, то на их счету ряд террористических актов в Москве и Подмосковье. Боевые террористические ор-

ганизации «Реввоенсовет» и «Новая революционная инициатива» совершили ряд взрывов около московских военкоматов, военной прокуратуры и милицкого автобуса в 1997-1998 гг., подрыв памятника Николая II под Подольском. «Новая революционная инициатива» 4 апреля 1999 г. взорвала заряд мощностью в 3 кг тротила около приемной ФСБ¹¹².

Как считают специалисты, в настоящее время война с терроризмом крайне убыточна: на каждый цент терроризма тратятся миллионы долларов антитеррористов. Причем без видимых успехов. В России нередко «лечат» следствие, а не причину. Вводят охранников в школах, детских садах, университетах, магазинах. (К слову, охранников в стране по численности больше, чем солдат в бундесвере ФРГ). Когда срабатывают «кнопки безопасности», то обычно бывает поздно: взрыв прозвучал, заложников захватили и т. д. С точки зрения обывателя, у террориста — одна дорога, у охранников — тысяча. Антитеррорист не знает: что, где, когда, зачем будет нанесен очередной удар по противнику, по его нервам, традициям, сознанию и культуре — материальной и духовной.

7. Психологический портрет террориста: контуры и некоторые характеристики

К террористической деятельности склонны люди особого типа. Их отличает большая психическая активность, яркие лидерские качества, неспособность к компромиссам, презрение к материальным ценностям и комфорту. Это, как правило, представители «контр-элиты» (по В. Парето), которые не могут достичь высокого положения, но обладают большой концентрацией психической энергии, решительностью, презрением к опасности и смерти. В некоторых случаях эти качества граничат с психическим расстройством, переходят в патологию¹¹³.

Как показывает практика борьбы с терроризмом на Кавказе, ряд боевиков (судя по видеофильмам, заснятым ими же) обкалывают и обкуривают себя наркотиками и в этом наркотически-горячечном бреду выглядят стойкими и храбрыми людьми, которым все нипочем.

Известный исследователь психологии терроризма В.Соснин (Институт психологии РАН) размышляет по этому поводу: «... явная психопатология среди террористов достаточно редкая вещь, и для этого утверждения есть основания. Вместе с тем можно выделить ряд личностных предрасположенностей, которые часто становятся побудительными мотивами вступления индивидов на путь терроризма: сверхсосредоточенность на защите своего «Я» путем проекции с постоянной агрессивно-оборонительной готовностью; недостаточная личностная идентичность, низкие самооценки, элементы расщепления личности; сильная потребность в присоединении к группе, т. е. в групповой идентификации или принадлежности; переживание большой степени социальной несправедливости со склонностью проецировать на общество причины своих неудач; социальная изолированность и отчужденность, ощущение

ние нахождения на обочине общества и потери жизненной перспективы. При этом нельзя сказать, что приведенный набор этих характеристик является каким-то обобщенным психологическим профилем личности террориста»¹¹⁴.

По мнению немецкого философа Х. Глязера, автора работы «Дискуссия о терроризме», терроризм порождается, во-первых, фрустрацией (возникает из-за несоответствия целей и средств их достижения, что приводит к нервному стрессу), а это приводит, в свою очередь, к агрессивности. Во-вторых, наличием так называемой нарцисстической личности. Подобная личность живет лишь личными интересами и нацелена на агрессивное получение удовольствий. «Нарцисстическое самолюбование, судящее обо всем по себе и своему опыту, как и аутизм — бегство в область безумных представлений и «самоотстранение» от действительности, является результатом эмансипации»¹¹⁵.

Что касается агрессивности, то следует напомнить, что одна из 10 заповедей «Нагорной проповеди» гласит: «Не убий!» Тем не менее грех смертоносного насилия продолжает совершенствоваться вновь и вновь. Может быть, человек запрограммирован природой или некой дьявольской силой на тягчайшие пороки?

Подобные «проклятые вопросы» особенно актуальны в наши дни. Ведь еще никогда человечество не подходило так близко к роковой черте возможного самоуничтожения.

Постараемся подойти исторически и разобраться, какую же роль играет агрессивность в жизни российского общества. Прежде чем раскрывать конкретное содержание обозначенного вопроса, сделаем терминологическое уточнение.

Агрессивность (лат. *Aggressio* — нападение): насильственные действия, стремление или демонстрация готовности к ним, причиняющие явный ущерб тем, на кого направлены.

Скажем, допустимо ли меньшее по масштабам насилие, чтобы предотвратить большее? При решении этой проблемы могут возникнуть нравственные и логические коллизии. Еще Л.Н. Толстой бился мучительно над вопросом: допустимо ли убить человека, который готовится убить ребенка? И писатель земли русской дал отрицательный ответ. Ведь убийство ребенка может и не состояться... Агрессивность может быть как бессознательной, так и осознанной. В бессознательной агрессивности, которая нередко реализуется через состояние аффекта (ярости) не учитываются интересы «жертвы».

Если следовать логике рассуждений героя Достоевского из «Записок из подполья», отстаивающего право человека на любой каприз, то террористы находят в этих рассуждениях обоснование своим действиям: «казнить или миловать». Находят террористы поддержку своим аморальным действиям и в позиции различных социал-дарвинистов (неомальтузианцев, неофрейдистов, современных расистов и т. д.), которые оправдывают тезис о том, что агрессивность — врожденный инстинкт — и ничего тут не поделаешь!

На что хотелось бы обратить внимание, это — создание того морально-го климата, который способствует зарождению и распространению терроризма. Встав на путь прогресса и создания техногенной цивилизации, человечество вызвало к жизни демонические силы, с которыми, кажется, не в силах справиться. Кричащие глобальные и локальные противоречия, как никогда, обострили проблему человека, его возможность адаптироваться к поистине колоссальным изменениям в мире. Человеческая психика, перегруженная показом по TV сцен насилия, разбоя, сексуальных домогательств и перемешанная с реальными фактами бытового хамства, уличного хулиганства, заказными убийствами, не выдерживает и срывается. Срабатывают зажатые защитные механизмы, ужасы вытесняются на периферию сознания, вгоняются в подкорки. И весь психологический динамит дремлет до поры до времени. При известных (как правило, чрезвычайных) обстоятельствах он детонирует в виде агрессии, немотивированной жестокости, вандализма, садизма, мазохизма и терроризма. «В широком социальном пространстве, — указывает Э.Мунье, — где тревога перерастает в страх, а инстинктивная надежда — в неистовство, каждый человек, тесно связанный со всеми другими людьми, становится носителем современного нигилизма в его крайнем выражении — великого страха и склонностью к терроризму»¹¹⁶.

Психология ненависти рассматривается учеными как орудие террора и терроризма. Роберт Стенберг, в частности, разработал трехкомпонентную модель психологии ненависти. Она включает следующие элементы.

1. Отвращение или отрицание близости. Его источником могут быть особенности личности субъекта, его собственные действия, или пропаганда.
2. Страсть как мера эмоциональной энергии, связанной с динамикой ненависти, и может быть описана в терминах эмоций страха, злости и гнева.
3. Обязательство, состоящее из двух компонентов: 1) когнитивной аберрации по снижению ценности и значимости ненавидимой группы людей и 2) поведенческий — это решение бороться, применять насилие и даже умереть.

Взаимодействие между этими тремя элементами может вести к формированию разных типов ненависти¹¹⁷.

Типология ненависти по Стернбергу:

- 1) Ненависть, проявляемая главным образом в форме отвращения по отношению к ненавидимой группе (например, нации). Субъект не желает иметь ничего общего с ними, поскольку они с его точки зрения имеют мало общего с людьми.
- 2) «Неистовая» ненависть проявляется в экстремальных эмоциональных проявлениях злости и страха, и может вести к насилию или избеганию угрозы, которая исходит (по мнению субъектов ненависти) от враждебной группы.

3) «Холодная» ненависть характеризуется восприятием представителей враждебной группы как низких и подлых.

4) «Кипящая» ненависть сочетает в себе отвращение к враждебной группе и потребность уничтожить исходящую от нее угрозу.

5) Едва сдерживаемая ненависть характеризуется чувством постоянного отвращения и страха, при этом враждебная группа воспринимается как собрание «сверхчеловеков».

6) «Жгучая» ненависть (burning hate) ассоциируется с переживанием необходимости физически избавиться от ненавистного врага. В данном случае все три элемента ненависти присутствуют, и этот тип ненависти чаще всего становится предметом рассмотрения в исследованиях терроризма¹¹⁸.

По мнению Эльзада Иззатдуста, из основной массы террористов тех, кто погибает за идею, — не более 1-2%. Разумеется, есть люди, а их немало — 30%, которые готовы умереть «за дело», но отнюдь не жаждут красивой смерти прямо сегодня. Это особый род фанатизма. Среди террористов немало наемников. И что примечательно — они совсем не хотят умирать. Рискуя, они надеются на безбедную старость. Есть ключевая категория — идеологи. Эти «мозги» никуда не ввязываются, они — заказчики. Их немного, но они — самые опасные. Руководители этого движения, как правило, образованные люди, иногда из обеспеченных семей, из этнической и религиозной элиты. Им свойственны нетерпимость к инакомыслию и мощный фанатизм, ненависть к существующему порядку, зачастую — вера в обладание безусловной и окончательной правдой, вера в свое мессианское предназначение. Идеальные вдохновители терроризма имеют большую психическую энергетику, способны сформировать у рядовых членов организации эмоциональный настрой перед выполнением военных операций: умеют употреблять средства психологического внушения, даже гипноз, среди них попадаются лица, имеющие религиозный сан.

Определенная часть террористов-зомби, слепые роботы-исполнители. Это, как правило, молодые люди, запутавшиеся в реальной жизни, некоторые с темным прошлым, с невысоким интеллектом, обманутые... Они тупо верят, что их смерть является путем к славе. К ним можно добавить лиц с психическими отклонениями, склонных к подобной деятельности от рождения, людей, которые прячутся от общества: бандиты, дезертиры и плененные ими люди, струсившие во время боевых действий.

Интересная деталь, на которую обращают внимание исследователи: биографии известных террористов почти не отличаются друг от друга — сытое детство в обеспеченной, но многодетной семье, учеба в престижном вузе, членство в радикальной молодежной группировке, где будущего лидера находят и отмечают вполне сформировавшиеся террористы или даже спецслужбы¹¹⁹.

«Никто из нас не может знать, что же происходит с человеком в момент теракта, — считает директор Центра экстремальной психологической помощи МЧС России, кандидат психологических наук Юлия Шойгу. — То, что мы об этом знаем, — это некие наши представления о том, как себя должен чувствовать человек, что с ним происходит. В реальности стандарта оказания такого вида помощи практически не существует, знания хаотичны и разбросаны»¹²⁰.

Оказавшиеся в экстремальной ситуации люди, пострадавшие от терактов, вынуждены проходить психологическую реабилитацию, (медицинское лечение) в течение долгого времени. «Даже спустя год для всех жителей Беслана, — говорит профессор кафедры психологии личности МГУ, доктор психологических наук Галина Солдатова, — характерны повышенный уровень тревожности, снижение чувства безопасности и доверия к обществу в целом»¹²¹.

Мне как человеку, прошедшему Афганскую войну (1979-1989 гг.), не раз приходилось видеть последствия так называемого посттравматического синдрома, в данном случае «афганского синдрома». Не вдаваясь в подробную характеристику данного феномена, подчеркну, что выполнение «интернационального долга» (воинского долга) привело к необратимым изменениям психики участвующих в этой «малой» войне. По моим подсчетам, в Афганскую войну вовлечено было более 600 тысяч солдат и офицеров, а психологическую реабилитацию прошло менее 3%. Между тем, как показывает практика, более 50% ветеранов этой «малой войны» пристрастились к алкоголю, 22% — к наркотикам. 18% «афганцев» хотели бы продолжить воевать как «джентльмены удачи», т. е. за деньги в любой части земного шара. Все объясняется просто: люди привыкли убивать, это стало их профессией. У них срабатывает стереотип привыкания к войне, к определенному образу жизни. В результате — некоторая часть «афганцев» и участвующих в чеченской кампании пополнили ряды террористов, уголовников.

Особо следует сказать о **психологии женщины-террористки**. Женщина в терроризме — явление драматичное и уникальное. Уникальность заключается в том, что женщина изначально (от рождения) несет в себе гуманизм, милосердие, сострадание. Но, вступив на путь терроризма, ради достижения цели, становясь фанатом идеи, отбросив инстинкт самосохранения, она готова пожертвовать не только своей жизнью, но и жизнью тех, кто оказался вовлеченным в кровавый водоворот. И жертвами зачастую оказываются ни в чем неповинные люди. Просто они оказываются не в то время и не в том месте.

Далее. Бытует мнение, что в революцию, террор идут люди из низших классов, неимущие. В жизни нередко все было наоборот. Это можно проиллюстрировать на примере биографии видного деятеля эсеровского движения Марии Александровны Спиридоновой (1884-1941 гг.). Выходец из дворян. Родилась в Тамбове. С 1905 г. член боевой дружины. 16 января 1906 г. на

станции Борисоглебск смертельно ранила пятью пулями губернского советника Г.Н. Луженковского. Он был убит по «приговору» тамбовской организации эсеров за жестокое усмирение крестьянских выступлений и организацию «черной сотни». Спиридонова подверглась зверским избиениям и надругательству со стороны помощника пристава Жданова и казачьего офицера Аврамова. Оба они были позднее убиты эсеровскими боевиками.

Дело Спиридоновой получило всероссийскую и даже международную известность, а она сама стала наиболее популярной революционеркой со времен Софьи Перовской. Московский военно-окружной суд приговорил ее к повешению, замененному бессрочной каторгой. После Февральской революции включилась в политическую деятельность. После раскола партии эсеров в ноябре 1917 г. — один из лидеров партии левых эсеров. Избиралась членом Президиума ВЦИК. Выдвигалась на пост председателя Учредительного собрания, но проиграла. С мая 1918 г. переходит в оппозицию к большевикам. Приняла активное участие в левозсеровском выступлении 6-7 июля 1918 г. Арестована, амнистирована. Не прекратила борьбы с большевистским режимом. Была в ссылке. В 1937 г. вновь арестована, приговорена к 25 годам тюремного заключения. В начале войны находилась в Орловском центре. Накануне сдачи города немцам 11 сентября 1941 г. расстреляна вместе с мужем¹²².

Вот фрагменты из ее открытого письма, в котором она описывает страдания после покушения на царского чиновника. Письмо опубликовано в газете «Русь» (1906. №27).

Спиридонова писала: «Вся платформа наполнилась казаками, раздались крики: «бей», «рубь», «стреляй»! Обнажили шашки. Когда я увидела сверкающие шашки, я решила, что тут пришел мой конец, и решила не даваться им живой в руки. В этих целях я поднесла револьвер к виску, но на полдороге рука опустилась, а я оглушенная ударами, лежала на платформе... И стук прикладом по телу и голове отозвался сильной болью во всем теле. Казачий офицер, высоко подняв меня за закрученную на руку косу, сильным взмахом бросил на платформу. Я лишилась чувств, руки разжались, и удары посыпались по лицу и голове. Потом за ногу потащили вниз по лестнице; голова билась о ступеньки; за косу внесена на извозчика».

В полицейском управлении помощник пристава Жданов и казачий офицер Аврамов продолжили экзекуцию. Раздели ее до нага и продолжили избивать ее нагайками и ногами. Выдергивали по одному волосу из головы, тушили горящие папиросы о тело. По этапу отправили в Тамбов. В вагоне пьяный офицер совершил над Спиридоновой насилие.

Остается загадкой, с точки зрения здравого смысла, участие женщин-мусульманок в самоподрывах в местах скопления большого количества мирных людей: около или в метро, около учебных заведений, на зрелищных площадках и т. д. Хотя некоторые психологи высказывают предположение, что шахидок (смертниц) предварительно обрабатывают, манипулируют их

сознанием и подсознанием. В качестве таковых выбирают одиноких, тех, кто перенес душевную травму (смерть мужа, детей и т. д.). Им методично внушают, что они делают святое дело, что им за эти действия (теракты) уготован рай.

Будучи в Афганистане в начале 80-х гг. XX в., в период присутствия там советских войск, я наблюдал, как революционерки — «раскрепощенные женщины Востока» расправлялись с моджахедами, переодетыми в женскую одежду и захваченными в городском транспорте активистками женской организации. Вытащив из автобуса лазутчика в парандже, защитницы Саурской революции, говоря языком нашей гражданской войны, «пускали его в расход». Без содрогания. С чувством исполненного долга.

Как показывает исследование проф. А.Я. Гришко, начальника Академии Федеральной службы исполнения наказаний, психология мужчины и женщины, совершивших террористическое преступление, имеет принципиальные отличия, и каждый требует самостоятельного изучения. Так, женщины в отличие от мужчин не стремятся в результате террористической деятельности обогатиться, повысить свой авторитет. Основным мотивом совершения преступлений террористического характера у женщин является «мечь за свою землю, за убитых родственников». В основе преступного поведения таких женщин чаще всего, наряду с побудительными мотивами, заложен и мотив, оправдывающий их действия. Критическая оценка поведения у большинства преступниц выражена очень слабо, и, даже оценивая свое преступное поведение после осуждения, спустя определенное время, преступницы находят много аргументов для оправдания своих преступных действий. Женщины часто не задумываются над тем, что могут погибнуть или могут быть быстро установлены или изобличены. Умысел на совершение террористического акта у женщин нередко возникает внезапно. Выборочное изучение уголовных дел о терроризме показало, что женщины были вовлечены в террористическую деятельность родственниками и знакомыми мужчинами и совершали преступления в соучастии с мужчинами, проявляя к ним доверие. Мужчины в этом плане взаимностью не отвечают, возлагая при аресте всю вину за совершенное преступление на женщин, поручая им самые опасные террористические акты. Например, Д. была осуждена за то, что она по предварительному сговору со своим знакомым и его друзьями покушалась на совершение теракта посредством взрыва по месту дислокации администрации Ленинского района г. Грозного. С этой целью мужчинами была подготовлена автомашина «Урал», в кузове которой разместили приспособленное к взрыву самодельное взрывное устройство фугасного действия большой мощности с электрическим способом осуществления¹²³.

В 70-е годы в Италии действовали «красные бригады» (смесь анархизма и троцкизма), в Германии преступная группа Баадера-Ульрики Мейнхоф. Оказывается, большинство в банде — женщины! В этой банде, прославившейся грабежами и убийствами, из 16 человек — 10 женщин! Маниакальные

убийцы маскировались политическими лозунгами. Что за странные любительницы острых ощущений с бомбами и пистолетами? Это не просто женщины. Это, по словам известного специалиста по психологическим войнам Г. Климова, специальная психологическая категория женщин: психопатки и садистки с комплексами разрушения и саморазрушения. Потому-то когда таких террористок поймают, они часто кончают жизнь самоубийством. Кстати, в защиту руководителя немецкой банды Ульрики Мейнхоф яростно выступил в печати Нобелевский лауреат Генрих Бёлль¹²⁴.

По данным Мэтью Кара, в 1970-е годы по приказу западногерманских властей из трупов, членов террористической группы Баадера-Майнхофа извлекались мозги, чтобы выявить генетику их криминального менталитета. Одному немецкому психиатру даже удалось «открыть» некую патологическую дисфункцию в одном из исследованных им органов...¹²⁵

Закljučая разговор о психологии террора и терроризма в прошлом и настоящем, следует подчеркнуть, что динамика развития террора (и терроризма в целом) исторически развивалась по следующей цепочке: от индивидуального терроризма — к групповому — локальному — массовому террору¹²⁶.

Террориста отличают презрение к жизни, отсутствие сознания границы между жизнью и смертью. Это проявляется в отношении не только к чужой, но и к собственной жизни. Поэтому среди террористов так много религиозных фанатиков, сектантов, мистиков, иногда они также активно употребляют психоделические вещества. Показательно, что духовный пастырь ранней ИРА (Ирландская республиканская армия) Мод Гонн была активисткой английского эзотерического братства «Голден Даун», куда входили также поэт Иейтс, литератор Брэм Стокер и т. д. Многие современные активисты «Красных бригад» — практикующие оккультисты¹²⁷.

Один из участников обсуждения в «Литературной газете» статьи Александра Мелихова из Санкт-Петербурга «Чего стоит террорист?» (2007 г. № 30) пишет: «Меня удивляет то, что никто не соотнес и не сопоставил терроризм начала прошлого века, переросший в революцию, с нынешним терроризмом. Ведь прошел всего век... Видимо, что сопоставление терроризма как первоначальной стадии революции привело бы нас сегодня к «нежелаемым» результатам. А потому терроризм и представляют то «кавказским», то «чеченским», хотя давно ясно, что он имеет совсем иную природу...»¹²⁸

Проведение научно-практической конференции «Психология терроризма» (организаторы — кафедра истории МосГУ, Национальный институт бизнеса, Институт психологии РАН и др.) и выпуск данного сборника является отчасти ответом на поставленный этот и другие вопросы.

-
- ¹ Пресс-релиз III-го Международного форума «Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма». Москва, 27-29 сентября 2006 г.
- ² См.: Зотов Г. Интервью перед смертью // Аргументы и факты. 2008. № 1-2. С. 9.
- ³ Современный словарь иностранных слов. М., 1982. С. 605.
- ⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1982. С. 707.
- ⁵ Советский Энциклопедический словарь. М., 1980. С. 1355.
- ⁶ Us Department of State Report on Patterns of Global Terrorism, 2001.
- ⁷ См.: Дугин А. Геополитика постмодерна. М., 2007. С.292.
- ⁸ См.: Ольшанский Д.В. Психология террора. М.-Екатеринбург, 2002. С.15, 17-18.
- ⁹ См.: Луков В.В. Международный терроризм: новые подходы российских ученых. М., 2007. С.28.
- ¹⁰ См.: Там же. С.28.
- ¹¹ См.: Там же. С. 289-290
- ¹² Независимая газета. 1998. 8 сентября.
- ¹³ Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб., 2002. С.5.
- ¹⁴ Гусев Д., Матвейчев О. и др. Уши машут телом. Современное социальное программирование. Пермь, 2002. С.136.
- ¹⁵ См.: Ольшанский Д.В. Психология террора. СПб., 2002. С.118-119.
- ¹⁶ См.: Гришко А.Я. Личность террориста: Криминологический портрет. М., 2006. С.99.
- ¹⁷ См.: Виноградов М.В. Терроризм: психологический портрет // Терроризм. Правовые аспекты борьбы: Нормативные и международные правовые акты с комментариями. М., 2005. С. 239.
- ¹⁸ См.: Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. СПб., 2004. С.224-225.
- ¹⁹ См.: Преступность в России начала XXI века и реагирование на нее / Под ред. А.И. Долговой. М., 2004. С.66-67.
- ²⁰ Ольшанский Д.В. Психология терроризма. М.-Екатеринбург, 2002. С.30.
- ²¹ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1982.С.259.
- ²² Ольшанский Д.В. Психология терроризма. М.-Екатеринбург, 2002. С.77.
- ²³ См.: Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая пол. XIX – нач. XX в.). С.5.
- ²⁴ Утопический социализм в России: Хрестоматия. М., 1985, С.331.
- ²⁵ См.: Michael Bakunins sozialpolitisher Briefwechsel mit Alexander Herzen und Ogarjow. В., 1895.
- ²⁶ См.: Кучерена А. Когда люди плачут – Желябовы смеются/ / Независимая газета. 2000. 31 октября. Между прочим, воронежские власти приняли решение снести памятники А. Желябову и С. Перовской после теракта 11 сентября 2001 г.
- ²⁷ Цит.по: Давыдов Ю. Савинков Борис Викторович, он же В.Ропшин. Предисловие // Савинков Б. Избранное. М., 1990. С.9.
- ²⁸ См.: Гришко А.Я. Личность террориста: Криминологический портрет. М., 2006. С.19.
- ²⁹ См.: Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901-1911 гг. М., 1998.
- ³⁰ См.: Климов Г. «Божий народ». Краснодар, 1999. С.107-108.
- ³¹ См.: Ольшанский Д.В. Указ.соч. С.124.
- ³² Террор и антитеррор: Покушения, взрывы, убийства/Автор-составитель Т.И. Ревяко. Мн., 1997. С.13.
- ³³ Савинков Б. Конь бледный//Савинков Б. Избранное. М., 1990. С.310.

- ³⁴ См.: Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901-1911 гг. М., 1998. С.121-122.
- ³⁵ См.: Гейфман А. Революционный террор в России, 1894-1917 / Пер.с англ. Е. Дорман. М., 1997. С.4.; Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая пол. XIX – начало XX в.). М., 1998. С.3.
- ³⁶ Пятый созыв ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов. М., 1919. С.11.
- ³⁷ См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.50. С.143-144.
- ³⁸ Известия.1917.30 октября(12 ноября).
- ³⁹ См.: Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918-1922 гг. М., 2004.
- ⁴⁰ См.: Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918-1923 гг. М., 1990.
- ⁴¹ Там же. С.121.
- ⁴² В карательных органах красных много работало так называемых «интернационалистов»: китайцев, евреев, латышей и др.
- ⁴³ См.: Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918-1923 гг..С.128, 96.
- ⁴⁴ Цит. по: Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918-1922 гг. М., 2004. С.441.
- ⁴⁵ В.Г. Короленко в годы революции и гражданской войны. 1917-1921. Биографическая хроника. Vermont, 1985.С.207.
- ⁴⁶ Новая газета. 2007. №60. С.16.
- ⁴⁷ См: Королев А.А. Массовые политические репрессии 30-х – начала 50-х гг. в СССР // Энциклопедический словарь юного историка: Отечественная история / Сост. В.Б. Перхавко. М., 1997. С.282-283.
- ⁴⁸ Дроздов Ю.И. Кто стоит за терроризмом в России?// www.antiterrog.ru.
- ⁴⁹ Комсомольская правда. 2007. 1-8 ноября.
- ⁵⁰ Завтра.1998. №45.
- ⁵¹ Комсомольская правда. 2007. 1-8 ноября.
- ⁵² См.: Дугин А. Геополитика постмодерна. М., 2007. С.348-349.
- ⁵³ См.: Лунеев В.В. Политическая преступность в России: прошлое и настоящее//Общественные науки и современность. 1999. №5. С.66.
- ⁵⁴ См.: Современный словарь иностранных слов. М., 1992. С.145.
- ⁵⁵ См.: Фролов К. Мыслитель XXI века. Человек? Машина//Российская газета. 2000, 21 января.
- ⁵⁶ См.: Country Reports on Terrorism 2007. Washington, April 2007.
- ⁵⁷ См.: Бернад Льюис. Последнее наступление ислама?//Россия в глобальной политике. 2007. Т. 5. сентябрь-октябрь.
- ⁵⁸ La Monde diplomatique. 2007. май. С. 19.
- ⁵⁹ См.: Сочивко Д.В., Гаврина Е.Е., Боковиков А.К., Белокуров Г.И. Подсознание террориста. М., 2006.
- ⁶⁰ Le Monde diplomatique. 2007. май. С. 18.
- ⁶¹ Там же. С. 21.
- ⁶² См.: Kamenezki Alexander. Психология терроризма//<http://posledniyprorok.boom.ru>
- ⁶³ См.: Там же.
- ⁶⁴ См.: Ольшанский Д.В. Психология терроризма. С.150.
- ⁶⁵ Джемаль Гейдар. Исламский взгляд на глобализм, «большую восьмерку» и новую поляризацию мира//Завтра. 2001. №39.
- ⁶⁶ См.: Тувинов А. Многоликий фундаментализм//Независимая газета.2001. 26 октября.
- ⁶⁷ См.: Ражбаданов М. Самые опасные. Ведущие террористические организации мира и их лидеры//Независимая газета. 2001. 23 октября.
- ⁶⁸ См.: Луков В.В. Международный терроризм: новый подход российских ученых. М., 2007. С. 143.
- ⁶⁹ Российская газета. 2001. 11 апреля.

- ⁷⁰ Смирнов А.И. Информационная глобализация и Россия: вызовы и возможности. М., 2005. С.326.
- ⁷¹ См.: Агаджанов В.В. Террор и антитеррор в PR-пространстве: своя виртуальность жизни? // Россия и современный мир. 2006. №4. С.129.
- ⁷² См.: Пирумов В.С., Родионов М.А. Некоторые аспекты информационной борьбы в военных конфликтах//Военная мысль. 1997. №5.
- ⁷³ <http://www.gambler.ru9news/it/terrorism/10123648/html>).
- ⁷⁴ См.: Петухов В.Б. Интернет и «информационный терроризм» // Свободная мысль. 2008. №1.
- ⁷⁵ См.: G.Weimann. How Modern Terrorism Uses the Internet. – [http://www.usip.org/pubs/special reports/sr116.html](http://www.usip.org/pubs/special_reports/sr116.html)
- ⁷⁶ См.: Луков В.В. Международный терроризм: новые подходы российских ученых. М., 2007. С.76.
- ⁷⁷ Терехов А. Буш готовит Америку к кибервойне // Независимая газета. 2008. 28 января.
- ⁷⁸ Келли Джек. Виртуальные атаки // Независимое военное обозрение. 2002. №24. С.6.
- ⁷⁹ См.: Плугатарев И., Хохлов В. Террористические сайты конкурируют с порнографическими//Независимое военное обозрение. 2005. №1. С.7.
- ⁸⁰ См.: Келли Джек. Келли Джек. Виртуальные атаки // Независимое военное обозрение. 2002. №24. С.24.
- ⁸¹ См.: Самое опасное оружие: Развитие информационных технологий...// Независимое военное обозрение. 2002. №36. С.7.
- ⁸² См.: Судовщикова Н. Сеть-убийца // Аргументы и факты. 2005. №8.
- ⁸³ См.: Цыганов В. Электоральный медиа-терроризм//Свободная мысль. 2007. №12. С. 79-80.
- ⁸⁴ См.: Неклесса А. Феномен 11 сентября и движение к нестационарной системе мировых связей // Россия. XXI. 2002. №4. С. 5-6.
- ⁸⁵ См.: Самохвалова В.И. Информационные войны: культура против человека // Полит-гнозис. 2002. №1. С.88.
- ⁸⁶ Гоффлер Э. Третья волна. М., 1999. С.263.
- ⁸⁷ См.: Ильинский И.М. О терроре и терроризме // Между будущим и прошлым. М., 2006. С.239, 242.
- ⁸⁸ Ильинский И.М. О терроре и терроризме//Между будущим и прошлым. М., 2006. С.242.
- ⁸⁹ См.: Дугин А. Геополитика постмодерна. М., 2007. С.295.
- ⁹⁰ Там же. С.299-300.
- ⁹¹ См.: Золотарев П.С. Международный терроризм – истоки возникновения и перспективы развития // Социальные и математические средства измерения потенциала общественной безопасности в субъектах Российской Федерации. М., 2006. С. 208-220.
- ⁹² См.: Руло Эрик. Добро, зло и «терроризм» // La Monde diplomatique. 2007. май. С. 19.
- ⁹³ См.: Горшков А.Ф. Глобальная война с международным терроризмом//Независимое военное обозрение. 2005. №1. С.7.
- ⁹⁴ См.: Иванов О.В. Информационная составляющая современных войн // Вестник Московского университета. Сер.18. Социология и политология. 2004. №4. С.64.
- ⁹⁵ См.: Васильев Н. Неизбежность диалога // Литературная газета. 2007. №46.
- ⁹⁶ Новая газета. 2008. №2.
- ⁹⁷ См.: Луков В.В. Международный терроризм: новый подход российских ученых. М., 2007. С. 198.
- ⁹⁸ См.: сайт ФСБ «Борьба с терроризмом» - www.antiterror.ru.
- ⁹⁹ См.: Чигрин Е. Войны низкой интенсивности//ИГ-Exlibris. 2007. 15 ноября.
- ¹⁰⁰ См.: Руло Эрик. Добро, зло и терроризм // Le Monde diplomatique. 2007. май. С.18.

-
- ¹⁰¹ См.: Иноземцев В. Меняющийся облик международного терроризма // *Le Monde diplomatique*. 2007. май. С.20.
- ¹⁰² См.: Walter, Enders and Todd, Sandler. *The Political Economy of Terrorism*. Cambridge, 2006.
- ¹⁰³ См.: Иноземцев В. Меняющийся облик международного терроризма // *Le Monde diplomatique*. 2007. май. С. 21.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ См.: Никонов В.А. Россия в мировой системе координат // НГ-Exlibris. 2007. 22 ноября
- ¹⁰⁶ См.: Нургалиев Рашид. «Главным критерием оценки нашей работы является доверие граждан»//Независимая газета. 2008. 5 февраля.
- ¹⁰⁷ См.: Галахов С.С., Тарсуков К.М. Терроризм – угроза государственности России в XXI в.(исторические, правовые, праксеологические проблемы // *Правовая наука на рубеже XXI столетия: Сб.науч.трудов*. Омск, 2000. С.59.
- ¹⁰⁸ См.: Рубан Л.С. Дилемма 21-го века: толерантность и конфликт. М., 2006. С.178.
- ¹⁰⁹ См.: Гришко А.Я. Личность террориста: Криминологический портрет. Рязань, 2006, С.70.
- ¹¹⁰ См.: Добрынина В., Кухтевич Т. Экстремизм как проявление девиантности и деликвентности//*Наука, культура, общество*. 2006. №7. С.22.
- ¹¹¹ См.: Беликов С.В. Молодежные БТО и ксенофобия в России // *Свободная мысль*. 2007. №12. С.32-33.
- ¹¹² См.: Там же. С.38.
- ¹¹³ См.: Дугин А. Геополитика постмодерна.. М., 2007. С.296.
- ¹¹⁴ Психологи о терроризме(«круглый стол»)//*Психологический журнал*. Т.16.1995. №4. С.42.
- ¹¹⁵ Цит. по: Воскобойников А.Э. Бессознательное и сознательное в человеке. М., 1997. С.127.
- ¹¹⁶ *Страх: Сб./Сост. П.С. Гуревич*. М., 1998. С.113.
- ¹¹⁷ Robert Sternberg, 2003.
- ¹¹⁸ Там же.
- ¹¹⁹ См.: Эльзад Иззатдуст. Покушение на мирную жизнь (взгляд на современный терроризм). М., 2007.
- ¹²⁰ Цит. по: Мурсалиева Г. Разрушитель: собирательный образ // *Новая газета*. 2008. № 88. С.15.
- ¹²¹ Там же.
- ¹²² См.: *История терроризма в России*. Ростов-на-Дону, 1996. С.221-223.
- ¹²³ См.: Гришко А.Я. Личность террориста. Рязань, 2006. С.68-69.
- ¹²⁴ Климов Г. «Божий народ». Краснодар, 1999.. С.80, 101.
- ¹²⁵ См.: Руло Эрик. Добро, зло и терроризм//*La Monde diplomatique*. 2007. май. С. 18.
- ¹²⁶ Ольшанский Д.В. Психология террора. М.-Екатеринбург, 2002. С.35.
- ¹²⁷ См.: Дугин А. Геополитика постмодерна.. М., 2007. С.297.
- ¹²⁸ Ткаченко П. Оправдание ... терроризма? // *Литературная газета*. 2007. № 38-39. С.13.